

ГЕОРГИЙ
ДАНЕЛИЯ

ТАВАН ИЗ ЭТОЙ МЕДАЛИ СДЕЛАЕМ ПРИЗ И НАЗОВЕМ «АМАРКОРД». И БУДЕМ ВРУЧАТЬ ЕГО НА ФЕСТИВАЛЕ В РИМИНИ.
ЭТА МЕДАЛЬ НАЗЫВАЕТСЯ «АМАРКОРД». ЕЕ СДЕЛАЛИ В ТЮРЬМЕ ПАРАДЖАНОВ – ГВОЗДЕМ НА ФОЛІАТЕ ОТ МОЛОЧНЫХ БУТЫЛОК – И ПОДАРИМ ФЕЛЛИНИ. А ФЕЛЛИНИ СКАЗАЛ: «ДАВАЙ ИЗ ЭТОЙ МЕДАЛИ СДЕЛАЕМ ПРИЗ И НАЗОВЕМ «АМАРКОРД». И БУДЕМ ВРУЧАТЬ ЕГО НА ФЕСТИВАЛЕ В РИМИНИ».

**БЕЗБИЛЕТНЫЙ
ПАССАЖИР**

Георгий Данелия

Безбилетный пассажир

«ЭКСМО»

Данелия Г. Н.

Безбилетный пассажир / Г. Н. Данелия — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-53983-3

Георгий Данелия, постановщик таких, как теперь говорят, «культовых» фильмов, как «Сережа», «Я шагаю по Москве», «Тридцать три», «Не горюй», «Мимино», «Афоня», «Осенний марафон», «Кин-дза-дза» – всех не перечислить, – впервые написал книгу. Он рассказывает нам маленькие истории, то очень смешные, то с тенью грусти – так похожие на его фильмы.

ISBN 978-5-699-53983-3

© Данелия Г. Н.

© Эксмо

Содержание

Между прочим	5
Дороги, которые мы выбираем	6
Цветок на окне	7
Перст судьбы	8
Ы-Фынь	19
Экзамены	21
Цыганочка	23
Лишние подробности	27
Ким	29
Сикильдявка	32
Нафталин	34
Пырьев	35
Производственная тематика	36
Другая производственная тематика	37
Военно-патриотическая тема	39
Война	41
«Похороны прабабушки»	43
Борис Павлович	46
Бондарчук	51
Пономарев	57
Правильная дорога	59
Скорпионыч	62
Как мы похоронили прабабушку	64
Борис Павлович (Продолжение)	67
Другой новый директор	69
Карловы Вары	71
Слава	74
Первая любовь Чарли-Трубача	80
Первая любовь Алика из соседнего переулкa	81
Моя первая любовь	82
Конецкий	83
Младший лейтенант	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Георгий Данелия

Безбилетный пассажир

(Короткометражные истории из жизни кинорежиссера)

Моим друзьям Лоре и Тонино Гуэрра

Предупреждение

Лица, которые попытаются найти в этом повествовании мотив, будут отданы под суд; лица, которые попытаются найти в нем мораль, будут сосланы; лица, которые попытаются найти в нем сюжет, будут расстреляны

Марк Твен. «Приключения Гекльберри Финна»

Между прочим

Когда я сдавал фильм «Не горюй!» художественному совету «Мосфильма», мне велели написать, что действие происходит в прошлом веке, а не сейчас.

– Зачем? Это и так видно.

– Для заграницы. Там не поймут.

Писать такой титр не хотелось, и я уговорил Михаила Ильича Ромма, голос которого очень любил, сказать это за кадром.

«Было это в конце прошлого столетия в солнечном черепичном городке. А может, этого и не было... Нет, пожалуй, все-таки, было», – звучит теперь в начале фильма голос моего учителя.

Вот и об этих записках мне хочется сказать примерно так же: то, что написано в этой книге, было со мной в прошлом столетии. А может, этого и не было...

Дороги, которые мы выбираем

– Надо отдать его во ВГИК, – сказал отец, когда я окончил школу.

– Почему во ВГИК? – спросила мама.

– А куда его, дурака, еще девать?

Отец мой, метростроевец, считал работу в кино несерьезным занятием и предложил ВГИК, как крайний вариант.

– Там хотя бы блат есть, – добавил он.

Блат действительно был. Мама работала на «Мосфильме» вторым режиссером и знала многих мастеров ВГИКа, а муж ее сестры, знаменитой актрисы Верико Анджпаридзе, кино-режиссер Михаил Чиаурели снимал фильмы о Сталине и был тогда одним из самых влиятельных деятелей кино. Но поступать во ВГИК я отказался – блат был чересчур явным. И к тому же никакой тяги к режиссуре у меня не было – как, впрочем, и ни к чему другому. Кроме джаза. О джазе расскажу потом.

– Но в какой-нибудь институт поступать надо обязательно, – сказала мама. – А то тебя в армию заберут.

В армию мне не хотелось. Мой приятель Женя Матвеев собирался в архитектурный, и я решил идти с ним – за компанию.

Цветок на окне

В Московском архитектурном я учился без особых провалов и достижений. Но рад, что окончил Архитектурный – мне там было интересно. Лекции читали замечательные профессора, и было много симпатичных, талантливых ребят.

В нашей группе было два мастера – Юрий Николаевич Шевердяев и Михаил Федорович Оленев. Шевердяев – элегантный, спортивный, ведущий архитектор (по его проекту построен кинотеатр «Пушкинский», где прошли все премьеры моих фильмов) – был очень занят и появлялся у нас нечасто. А Оленев – скромный, похожий на сельского учителя – был все время с нами.

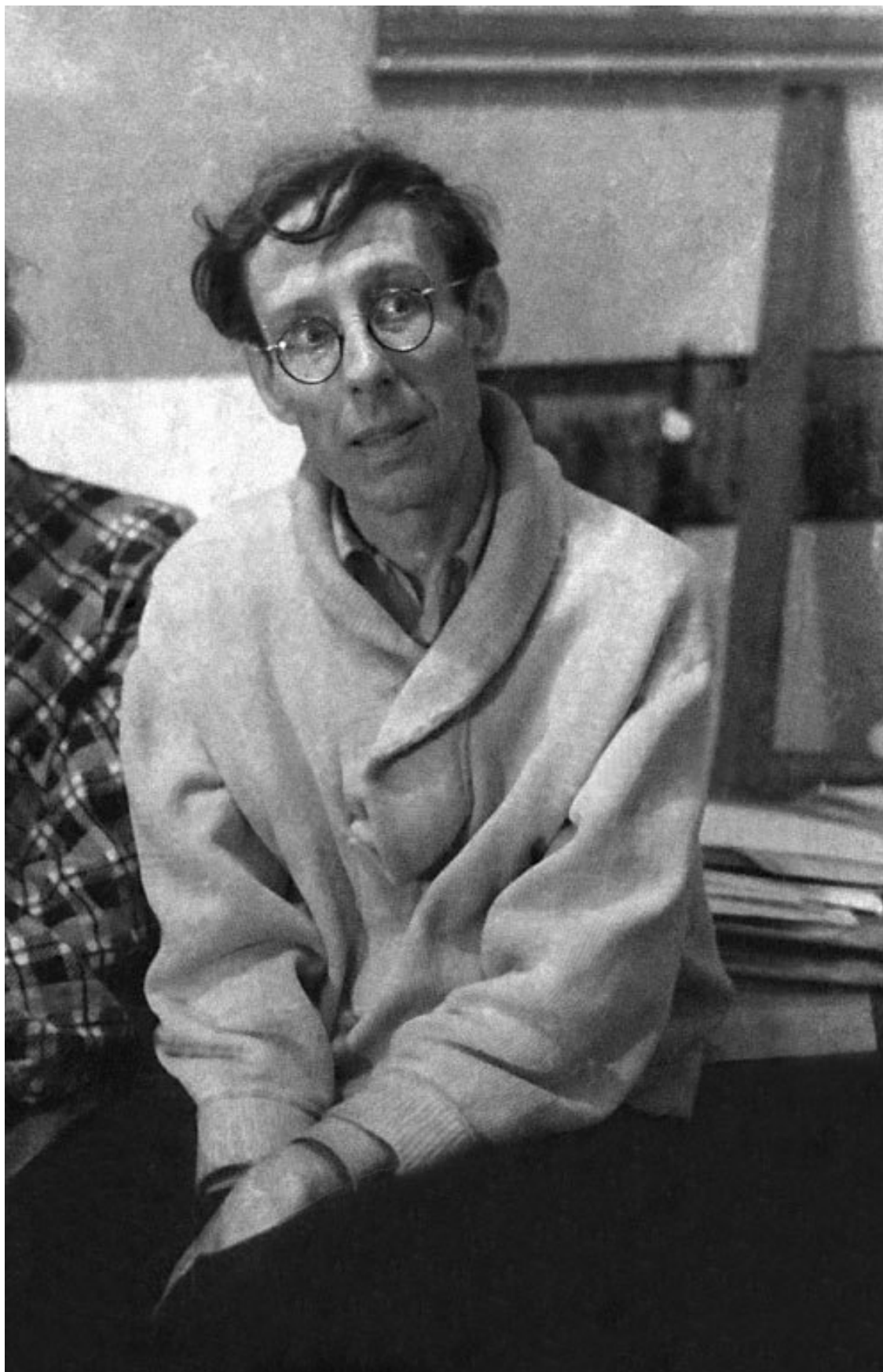
Михаил Федорович Оленев был очень болен, и мы старались не задерживать его долго у своих подрамников, чтобы он не уставал. Но он все равно каждый раз засиживался с нами допоздна – увлекался. Он накладывал на чертеж кальку, брал свой любимый мягкий цанговый карандаш «Кохинор 6В», думал, а потом по кальке правил проект... А потом рисовал возле здания для масштаба что-нибудь забавное: бородатого старика на самокате, пожарника на качелях, афишную тумбу, на которую задрала ногу собачка... Мне, когда я проектировал южный вокзал, он нарисовал шарманщика на перроне, а в небе – глазастый вертолет, с которого спрыгнул парашютист в железнодорожной форме...

...Михаил Федорович умер. Гроб стоял в институте, в большой пустой комнате. Ночью мы с моими друзьями Олегом Жагаром и Димой Жабицким, как это положено, дежурили у гроба. На стене висела картина Михаила Федоровича: открытое окно, на подоконнике глиняный горшок, в горшке – цветок, за окном ровное небо. Все скупое и простое... Но там, за окном, было столько воздуха и столько радости, что я заплакал.

Перст судьбы

После Архитектурного по распределению я попал в ГИПРОГОР (Институт проектирования городов), в мастерскую перспективной планировки. Мы решали, как должны развиваться города страны в течение ближайших двадцати пяти лет. Но пока мы в Москве чертили – они на месте строили. Мы не знали, что они строят – а им плевать было на то, что мы чертим.

Поначалу я был полон энтузиазма, засиживался на работе по вечерам, и порученную мне работу выполнил на месяц раньше срока. Ожидая похвалы, представил чертеж главному архитектору. Тот взял черный карандаш и начал чиркать прямо по чертежу: «Тут надо так. А это надо вот так». Мог бы хоть кальку подложить... Стереть его чертов карандаш мне не удалось, и пришлось чертить все заново. Через неделю принес со всеми исправлениями, а он опять чиркает: «Здесь надо так. А здесь – так...»

Михаил Федорович Оленев.

Снова переделываю – опять не то.

В курилке мне объяснили:

– Когда срок сдачи?

– Пятнадцатого.

– Сдай проект тринадцатого, и все получают премию. А будем сдавать за месяц до срока, на месяц сократят сроки. Понял?

Я понял.

Приходил на работу к девяти, отмечался и шел курить. Потом – в мастерскую, что-то чертил для приличия (под бесконечный рассказ чертежницы Зиной о подлостях соседки Люси) и шел курить. Потом играл в морской бой с экономистом Маргулисом (под рассказ Зиной о Люсе), слонялся по мастерской, потом еще чуть-чуть чертил (под Зину о Люсе)... И шел курить.

Между прочим. Ставлю в известность: здесь и далее имена и фамилии действующих лиц не всегда достоверные.

И так до без четверти час. Ровно без четверти приходил Олег Жагар, который работал в соседней мастерской. Мы съедали бутерброды, запивали чаем и ровно в час – за проходную. Гулять.

В тот судьбоносный день идем, гуляем – видим: под забором лежит пьяный. Нестандартный: в макинтоше, берете, очках и галстуке. И при часах. Могли бы и мимо пройти, но – не прошли.

– Надо разбудить, – решил Олег, – разденут этого интеллигента. Эй, коллега!

Интеллигент открыл глаза, сел, огляделся, соображая, где он, и тупо уставился на нас.

– Домой иди, пока в вытрезвитель не забрали, – предложил Олег.

– Я не пьян, – прохрипел интеллигент, – я отдыхаю...

Он вытащил из кармана скомканную газету, расправил ее, снова лег и сделал вид, что читает.

Если бы тогда этот тип не попался нам на глаза, может быть, моя жизнь на следующие полвека сложилась бы иначе. Не было бы бесконечных бессонных ночей и сердечных приступов, не выкуривал бы три пачки сигарет в день, не увидел бы полярное сияние в Арктике и миражи в Каракумах, внуки не хвастались бы тем, что они мои внуки, композитор Гия Канчели не подарил бы мне заграничную курточку из чистого хлопка и не писал бы я сейчас эту дурацкую книжку.

Дело в том, что пьяный читал «Советскую культуру», а там был заголовок: «Мосфильм» объявляет набор на режиссерские курсы».

Я купил газету и узнал, что при «Мосфильме» решили организовать высшие режиссерские курсы. На эти курсы будут принимать людей смежных профессий – художников, писателей, театральных режиссеров, музыкантов... и архитекторов. Стипендия – сто тридцать рублей! А у меня в ГИПРОГОРе зарплата – девяносто.

– Ну какой из тебя режиссер? – рассуждала вечером мама. – Ты же видел режиссеров. Знаешь, какие они.

Режиссеров я видел, и очень многих. До войны мы жили в бараке в Уланском переулке. Жили роскошно: у нас была большая комната (21 кв.м.) и отдельный вход. Когда из Тбилиси приезжали Верико и Чиаурели, они привозили вино, всякую снедь и звали к нам своих гостей. Мама готовила вкусную грузинскую еду, и у нас побывали и Эйзенштейн, и Пудовкин, и Довженко, и Рошаль, и многие другие классики. Все они были яркие, колоритные личности и излагали свои мысли образно, красиво и очень складно.

Когда мне было лет пять, мамина подруга Аллочка на ночь вместо сказок рассказывала мне историю Римской империи. Когда мы добрались до Цицерона, я представлял его себе в

виде Григория Львовича Рошаля (Рошаль у нас бывал чаще других) – в берете, очках, при бабочке, но в тоге.

Мама была права – мне до Цицерона далеко. Я до сих пор даже короткий тост складно произнести не могу. А еще грузин.

Я объяснил маме, что не собираюсь быть режиссером-постановщиком. Хочу стать вторым режиссером, как она, и не хочу до гробовой доски слушать про Зинину соседку Люсю. И что стипендия на курсах сто тридцать рублей.

– Давай попробуем, – согласилась мама. – Но сейчас это будет очень сложно.

Времена изменились. Чиаурели за пропаганду культа личности услали в Свердловск. Директором «Мосфильма» стал такой же любимец Сталина, лауреат шести сталинских премий Иван Пырьев. Если Пырьев узнает, что я племянник ненавистного конкурента Чиаурели, то он меня и близко к курсам не подпустит. Так что чем меньше людей будет знать, что Георгий Данелия – сын Мэри Анджапаридзе, тем лучше.

Я и мои сокурсники. 1949 год. Справа на лево: Жагар, Жабицкий, я, Сорокина, Лебедев, Алексеев.

Мама позвонила кинорежиссеру Михаилу Калатозову, которого знала еще по Тбилиси, сказала, что сын собирается поступать на режиссерские курсы, и попросила посмотреть, есть ли у него какие-нибудь шансы.

На следующий день в курилке Олег Жагар меня консультировал. В отличие от мамы он мое решение сразу одобрил:

– Раз в башке шелкнуло, то валяй. Чтобы потом не жалеть.

Жагар, фронтовик-разведчик, на десять лет старше меня, был эрудированным и умным человеком, и я с ним считался.

– Давай подумаем, что Калатозову говорить... Он обязательно спросит, почему ты решил поменять профессию? А ты?

– Скажу: потому что здесь тоска зеленая.

– Ни в коем случае! Говори, что с детства мечтаешь быть кинорежиссером, что это твое призвание. Что любишь литературу, музыку, живопись, театр, а кино – искусство синтетическое и все это аккумулирует. Ну, живопись и литературу ты более или менее знаешь... Как с музыкой?

– Не ахти... Мелодии помню, могу даже напеть, но что чье...

– А ты там не пой. Говори, что твой любимый композитор Бетховен, «Героическая симфония». «Героическая» – верняк. Ну, и Прокофьев. Да, а в литературе не забудь «Не хлебом единым» Дудинцева. Сейчас это модно.

...В субботу я пошел к Калатозову. Михаил Константинович – высокий вальяжный шестидесятилетний грузин с бархатными карими глазами – усадил меня в кресло, сам сел напротив.

– Решили поменять профессию? Зачем? Архитектор – замечательная специальность.

Вот он, этот цыганский хор. Цыганка – Джаме Жабццкий, цыган – я.

Он был со мной на «вы», хотя знал меня с детства: я дружил с его сыном Тито.

– Я люблю живопись, литературу, музыку и театр. А кино – искусство синтетическое и все это аккумулирует.

Калатозов одобрительно покивал.

- В самодеятельности спектакли ставили?
- Нет.
- Играли?
- В спектаклях? Нет, в спектаклях не играл.
- А где?
- В капустнике, в цыганском хоре пел. В институте.
- Пауза.
- Фотографией увлекаетесь?
- Нет.
- Пишете? Рассказы, заметки...
- Нет.
- Стихи?
- Сейчас уже нет.
- А когда?
- В детстве сочинял какую-то бестолочь... Но мама очень гордилась.
- Ну-ну, – заинтересовался Калатозов, – прочтите.
- Да не стоит...
- Прочтите, прочтите.
- И я прочел:

Во мгле печальной на горе стоит Чапаев бледный.
Погиб Чапаев в той реке, погиб он, незабвенный.
Врагу за это отомщу и силу нашу покажу,
И выскочат из Троя четыреста героев.

– Трой – это троянский конь, – объяснил я. – Мне тогда мамина подруга Аллочка про него рассказала.

- «Господи, что я несу!»
- М-да... – Калатозов тяжело вздохнул. – А Чапаева Бабочкин сыграл неплохо...

Пауза.

- Вы сказали, любите музыку... – наконец, спросил Калатозов. – Сами музицируете?
- Немного.
- На фортепьяно?
- На барабане.

Пауза затянулась. Всемирно известный режиссер сложил руки на груди и задумался, а я с тоской смотрел по сторонам. В этой комнате мне все было знакомо: и фотография, где Калатозов снят с Чаплином (во время войны Михаил Константинович был представителем Экспортфильма в США). И тахта, покрытая шотландским пледом, и картина над тахтой – красивая молодая женщина в кресле. Женщина с картины смотрела на меня с сочувствием. Я легонько подмигнул ей: не переживай, родная. Я все понял, сейчас уйду.

- Иностранный язык знаете? – наконец придумал еще один вопрос Калатозов.
- Нет.
- Вы молодой. Надо выучить.

Я встал.

- Обязательно выучу. Я пойду, Михаил Константинович. Извините. Спасибо.

Калатозов тоже поднялся.

- Я провожу.

Он вышел со мной на лестничную площадку и нажал кнопку вызова. Загудел лифт и, не доехав до нас, остановился – перехватили.

– Парфеноны и Колизеи стоят тысячелетия. А кино что – целлулоид, пленка. Зыбкий материал. – Калатозов вздохнул.

– Ой, Михаил Константинович, – вспомнил я, – извините, я у вас на столе папку оставил!..

То, что сохранилось от раскадровки рассказа А. Чехова «Хамелеон».

...Через десять минут Калатозов внимательно изучал содержимое папки, а я в кресле напротив напряженно ждал приговора.

Последние дни я, готовясь к визиту, с утра до вечера рисовал жанровые картинки и сделал, как мне казалось, забавную раскадровку чеховского «Хамелеона».

Досмотрев, Калатозов закрыл папку, откинулся в кресле, сложил руки на груди и задумался.

«Не понравилось», – понял я и стал непослушными от перенапряжения пальцами завязывать тесемки на папке. Тесемки не поддавались.

– Дайте мне, – Калатозов отобрал у меня папку и сделал аккуратные бантики: – Это вы сдайте в четыреста двенадцатую комнату на «Мосфильме». Узнайте, что там еще надо. На экзамене я вас спрошу, почему вы хотите стать режиссером. Ответите, как сегодня мне. Маме привет.

– Спасибо, Михаил Константинович!

В дверях он меня спросил:

– А почему вы мне эти рисунки сразу не показали?

– А вы не спросили, рисую я или нет.

Ы-Фынь

Прошло два месяца. За это время я сдал в приемную комиссию рисунки и все, что было положено, и с «Мосфильма» ко мне на дом пришла бумага, что я допущен к собеседованию.

А в ГИПРОГОР вслед за ней пришла другая бумага: официальное приглашение в Китай.

Месяцев шесть тому назад в ГИПРОГОРе появилась китаянка, которую прислали к нам на практику. Звали ее Ы-Фынь. На вид ей можно было дать то двадцать пять, то сорок – в зависимости от освещения. Сначала ее водил по институту сам директор института, потом ею занялся главный архитектор. Главный архитектор перепоручил ее начальнику нашей мастерской, а через неделю китаянку спланировали мне, как самому молодому.

– Чему она у меня может научиться, я сам еще учусь! – пытался увильнуть я.

– Пусть делает то же, что и ты.

– Трудно будет ей без тренировки курить на лестнице с девяти до шести.

– Кончай острить. Это комсомольское задание.

Ну, раз комсомольское... Я подумал и поручил Ы-Фынь перерисовать детальный план города Красноуфимска, схемой расселения которого занимался в то время. Думал, со всеми коммуникациями и сараями ей месяца на два работы хватит.

Она предъявила мне чертеж через десять дней. Глаза у нее были красные, а план начерчен хоть неумело, но аккуратно и досконально. Тогда я дал ей план другого города, в три раза больше. И еще – взял из красного уголка гипсовую голову Диадумена, принес из дома подрамник, ватман и показал, как надо рисовать. Днем Ы-Фынь чертила, а вечером, после работы, рисовала. Диадумен в ее исполнении смахивал на китайца.

Через некоторое время я должен был ехать в командировку. Я сказал своей подопечной, что уезжаю в Красноуфимск, а с ней будет заниматься старший архитектор Нелли Зурабовна.

– Нет. Я ехать с тобой, – заявила Ы-Фынь. – Я тоже чертила Красноуфимска.

Я доложил начальству, что китаянка намылилась ехать со мной.

– Нельзя. Это закрытый объект.

– Так ей и сказать?

– Нет. Ей скажи, что там русский мороз, дом приезжих и нужник во дворе!

Так я ей и сказал. Ы-Фынь строго посмотрела на меня:

– Я мороз не боюсь! И нужник не боюсь! Я три года командира партизанского отряда!

Командира не командира, но уехал я без нее (об этой поездке расскажу отдельно).

А потом был XX съезд, где Хрущев разоблачил культ личности. В газетах еще ничего не появилось, но все уже что-то слышали.

С утра в мастерской никто не работал. Пока еще полушепотом делились услышанным: оказывается, Сталин был параноик. Провокатор. Агент царской охраны. Еврей. Японский шпион... Кто-то вяло не соглашался: «Сталин ничего не знал о репрессиях. Он ошибался...»

Ы-Фынь сидела неподвижно, уставившись в одну точку. Слушала, слушала, и вдруг что есть силы грохнула кулаками по столу и крикнула:

– Мао Цзэдунь никогда не ошибаться! Никогда! – и убежала.

Несколько дней она не появлялась. Потом явилась как ни в чем не бывало, и все пошло по-прежнему: днем чертим, вечером рисуем.

В общем, я к ней привык. Она мне была симпатична: вежливая, скромная и очень обязательная. Она ко мне тоже привыкла и приглашала в гости:

– Георгия, приходи ко мне дома. Будем пить чай, веселиться и фотографироваться.

А я, на всякий случай, не иду, – китайцы хоть и наши друзья, но все-таки иностранцы. А тогда к иностранцам в гости ходить очень не рекомендовалось.

Вызывают меня в комитет комсомола:

– Данелия, тебя твоя китайка чай пить приглашает. Почему не идешь?
Уже настучал кто-то.

На следующий вечер после работы я купил букетик цветов и поехал к Ы-Фынь. Жила она в однокомнатной квартире с казенной мебелью. Мы выпили чаю со сладостями из гастронома, она рассказала анекдот про Трумена, я – про грузина и армянина, посмеялись. Потом она взяла фотоаппарат, мы вышли на улицу, она сфотографировала меня, я – ее, попросили прохожего, он сфотографировал нас вместе. И разошлись, точно выполнив программу: выпили чай, повеселились, сфотографировались.

Так Ы-Фынь проработала у нас полгода, и ей пора было уезжать. Мы собрали деньги, купили ей в подарок электрический самовар и устроили в мастерской прощальный сабантуй. После сабантуя Ы-Фынь попросила, чтобы я ее проводил, и по дороге, в метро, спросила, не хочу ли я поехать в Китай. Работать. На три года. Могу взять с собой жену и дочку.

– Спроси семья. Утром позвони. В семь. В восемь меня посольство везти аэропорт.
– Хорошо, позвоню. А кем я там буду работать?
– Будешь моя советника.
– А ты кто?
– Министра строительства.
– ?!!

Дома я посоветовался и на следующий день ровно в семь утра позвонил Ы-Фынь и сказал, что согласен.

На работе, когда я сообщил, что Ы-Фынь министр строительства Китая, все решили, что я шучу. Но начальник мастерской занервничал и успокоился только когда позвонил в Госстрой и выяснил, что министр строительства Китая – мужчина.

А через две недели из Китая пришла бумага – официальное приглашение на Данелия Георгия Николаевича.

– Может, она замминистра? – снова заволновался начальник мастерской. – Или министр какой-нибудь провинции?..

Я до сих пор не знаю, кем была Ы-Фынь, но тогда решил: не попадаю на курсы – еду в Китай.

Экзамены

– Подождите в комнате отдыха актеров, – сказала секретарша, когда я назвал свою фамилию. – Вас вызовут.

В комнате актеров сидели, ходили, курили, стояли, прислонившись к стене, человек двадцать абитуриентов. В основном это были театральные режиссеры – некоторых я узнал. Обсуждался только что вышедший на экраны бельгийский фильм «Чайки умирают в гавани». Говорили они очень складно, красиво и непонятно. Ссылались на источники, про которые я не слышал, употребляли термины, которых я не знал. Я даже не понял, хвалят они фильм или ругают.

«Куда ты лезешь, Данелия? – сказал мне внутренний голос. – В Китай, брат, в Китай!»

Но тут меня вызвали.

Большая комната была освещена неоновыми лампами, излучающими холодный синий свет (неоновые лампы только-только появились, и я их увидел впервые).

В первом ряду за длинным столом сидели ведущие мастера советского кино: Пырьев, Довженко, Ромм, Юткевич, Калатозов, Рошаль, Александров, Трауберг, Дзиган, Зархи. Во втором ряду – просто мастера советского кино: Арнштам, Роом, Столпер, Птушко, Юдин, Барнет, Пронин, Швейцер... А в глубине у стены стояла «шушера»: Самсонов, Басов, Гайдай, Рязанов, Азаров, Чулюкин, Карелов, Алов с Наумовым и другие. Всего экзаменаторов было человек пятьдесят. И все синие от неоновых свет.

Посередине комнаты стоял круглый столик и стул. На столике – графин с водой и стакан.

– Садитесь, Данелия, – доброжелательно сказал Рошаль.

Я сел и уставился на Пырьева, который листал мои рисунки.

– Георгий Николаевич, почему вы решили поменять профессию? – спросил Калатозов, как договорились.

А я вдруг понимаю, что ни слова сказать не могу. Все забыл. То ли культурный шок, полученный в предбаннике, меня подкосил, то ли количество и цвет экзаменаторов.

– Выпейте воды, – предложил Рошаль.

Я налил воды в стакан, выпил.

– Ну, так почему вы решили стать режиссером? – мягко повторил свой вопрос Калатозов. – Ведь архитектор – тоже интересная профессия.

– Да, – согласился я, – Парфеноны и Колизеи стоят века, – с ужасом понял, что говорю что-то не то, и замолк.

«В Китай! В Китай!!» – напомнил внутренний голос.

– Скажите, а вы любите литературу, музыку? – подсказывает Калатозов.

– Да... – наконец вспомнил я, – а кино искусство синтетическое. А я люблю и театр, и литературу, и живопись и музыку. А кино все аккумулирует.

– А почему бы вам не поступить в Суриковское? – спросил Довженко, которому Пырьев передавал рисунки. – Вы неплохо рисуете.

– Потому, что кино искусство синтетическое, – пошел я по второму кругу. – А я театр люблю, и литературу, и музыку. «Апассионату» Бетховена, и «Героическую», и Прокофьева люблю, и Дудинцева, и Утесова...

Дальше толком ничего не помню. Что-то меня спрашивали... Что-то я отвечал...

А вечером, когда мы с женой уже строили китайские планы, со студии позвонила счастливая мама. В коридоре «Мосфильма» она встретила Самсона Самсонова и как бы мимоходом спросила:

– Ну, что там на экзаменах? Были способные?

– Было несколько. Кстати, и одного грузинчика приняли. Нам с Иваном (имелся в виду Пырьев) его рисунки понравились.

Цыганочка

В результате на курсы взяли четырнадцать человек. Из четырнадцати десять были театральными режиссерами, а четверо нет: инженер, психолог и мы с Егором Щукиным – архитекторы.

Театральные режиссеры говорили, что абсурдно учить нас всех по одной программе. Это все равно, что учить одному и тому же человека, который играет Листа, и человека, который еще не умеет сыграть гаммы. Может быть, они были правы. Все, что касалось работы с актерами, мизансцен и теории Станиславского, они, конечно, знали лучше. Но что касается кино...

Я с детства околачивался на съемочных площадках – каждое лето мама брала меня с собой в экспедиции. И в массовках снимался – и когда был ребенком, и потом, когда учился в школе, и когда учился в архитектурном. А в фильме «Георгий Саакадзе» даже сыграл в эпизоде – с репликами! Мне тогда было десять лет. Поэтому как снимается кино на практике, какое это мучительное занятие, думаю, я знал лучше, чем они.

“Мексиканец”, массовка. В центре – я!

“Незабываемый девятнадцатый”. Массовка. В центре – Названов, а слева – я!

Раз уж упомянул фильм «Георгий Саакадзе», расскажу, чем он мне запомнился. Когда фильм в 43-м вышел на экраны в Москве, я повел весь двор смотреть на меня в кино. А меня там не было: оказалось, что мой эпизод вырезали. Сняли, похвалили и вырезали. А мама не решилась мне об этом сказать.

Но съемочной группе «Георгия Саакадзе», думаю, я запомнился совсем другим эпизодом. Недалеко от Тбилиси снимали батальную сцену: сражение грузин с турками. Детей в армию не брали, но, используя родственные связи, я выклянчил форму, шлем и меч. И даже коня! Но, пока я бегал по инстанциям, грузинская амуниция уже кончилась, и мне пришлось стать турком.

Лошадьми фильм обеспечивал кавалерийский полк, но их не хватало, поэтому турецкую конницу добирали где возможно: и на конзаводе, и у местных крестьян, и даже в цыганском таборе. Мне досталась «цыганочка». Позже, когда я увидел иллюстрации к «Дон-Кихоту», я понял, что Росинанта рисовали именно с нее. Но Росинант был флегматик, а моя цыганочка все время скалила зубы, косила красным глазом и подрыгивала ногами: чего стоим? Чего время теряем?

Пока седлали мою цыганочку, шли бесконечные репетиции: турецкая конница отступала, грузинская наступала. Чтобы войска не смешались, синхронизировали все с точностью до секунды.

Наконец, мой конь был оседлан, и я обходным путем – чтобы мама не увидела – въехал к туркам и затесался поглубже.

– Приготовились к съемке! – скомандовал Михаил Чиаурели. – Камера! Пошли турки!

Мы, турки, поскакали.

– Грузины!

Поскакали и грузины. Впереди грузинского войска – Георгий Саакадзе на белом арабском скакуне.

Я был счастлив. Моя цыганочка шла хорошим галопом и ничуть не уступала другим лошадям.

Но перед камерой, в самом центре кадра, вдруг остановилась и стала выпендриваться. Она взбрыкивала и, пытаясь меня сбросить, чуть не стойку делала на передних ногах. А я висел у нее на шее, вцепившись в гриву, шлем съехал на брови, сабля оказалась на спине и била по голове.

– Что за кретин там в кадре?! – раздался истошный крик оператора.

– Стоп! – закричал в рупор Чиаурели. – Грузины, стойте! Остановитесь!

Но остановить грузинское войско было уже невозможно: прямо на меня несся Георгий Саакадзе. Перед моей выпендривающейся цыганочкой его араб вдруг резко затормозил, и великий полководец вылетел из седла.

Что было потом, пропускаем. Почти месяц меня и близко к съемкам не подпускали...

Лишние подробности

На курсовую работу нам выделили по 300 метров пленки и по одному съемочному дню на каждого. На лекциях я сидел за одним столиком с Шухратом Аббасовым. Нам было комфортно друг с другом – я неречист, и он молчун, и мы решили объединиться и совместно снять отрывок из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова: как Варвара уходит от Васисуалия Лоханкина на двоих – 600 м пленки и два съемочных дня.

Написали сценарий, прохронометрировали – получилось 756 метров. А у нас 600. Пятьдесят процентов уйдет на хлопушки, захлесты и технический брак – это минимум. Пришлось сокращать 256 метров – вычеркивать дорогие нашему сердцу реплики. С трудом втиснулись в 300 м (10 минут). Но снимать мы должны были только по одному дублю.

На актеров денег не было, и мы пригласили студентов Школы-студии МХАТ Галя Волчек и ее мужа Женю Евстигнеева. Конечно, мы хотели кого-нибудь поопытнее, но у этих было большое преимущество – они были бесплатными.

Снимать мы должны были в какой-нибудь готовой декорации, построенной для другого фильма. Но на момент съемок в павильонах «Мосфильма» стояли либо избы, либо дворцовые залы и нам пришлось сделать выгородку комнаты Лоханкина в коллекторе (зале для складирования). Мы сами притащили и поставили две стенки, сами принесли мебель и реквизит. И начали снимать. Оператором нам назначили женщину средних лет – Соню Хижняк.

Первый день прошел очень успешно – сняли 140 полезных метров, потратили 287. Второй день не задался. Начали снимать – забарахлила камера, – «салат». Перезарядились – снова брак – соринка. Снимаем крупный план Гали Волчек – в коллектор въехал грузовик, звукооператор требует переснять. Второй дубль у Гали получился хуже, чем тот испорченный. Галя настаивает: еще один. А пленка идет. В итоге к концу смены на последний кадр осталось всего девять метров – ровно на один дубль. Снимали не по порядку, а так, как было удобно по свету, и последним оказался кадр из середины: Лоханкин живо вскочил с дивана, подбежал к столу, с криком «Спасите!» порвал карточку и снова улегся на диван.

Проверяли на мне: Шухрат стоял с хронометром, а я вскакивал с дивана, рвал карточку и ложился обратно.

– Семь метров, – сказал Шухрат. – Женя, запомнили? Сделайте все точно так.

– Давайте снимать, – Евстигнеев лег на диван.

Я перекрестился и скомандовал:

– Мотор!

Евстигнеев встал, медленно подошел к столу, порвал карточку, вернулся, лег на диван и пробормотал: «Спасите»... И пленка кончилась.

Погубил фильм, зараза!

– Съемка окончена, спасибо всем, – сказал невозмутимый, как индеец, Аббасов, – пошли, Гия!

И мы, не попрощавшись, ушли из павильона.

Долго шли молча.

– А, может, это не так уж плохо? – наконец, сказал Шухрат.

Я свирепо посмотрел на него. Шухрат поднял руки:

– Молчу.

Шухрат оказался прав – когда в первый раз показывали отрывок, больше всего смеялись именно в этом месте. А Ромм потом даже похвалил эту евстигнеевскую импровизацию:

– Хорошо придумали, сделали от обратного. Молодцы!

Я посмотрел на Шухрата, Шухрат – на меня, и мы не стали уточнять, чья это идея, – зачем терять время на никому не интересные подробности?

Между прочим. В Ярославле снимали выноску окна к сцене «Афоня просыпается в комнате Кати» (фильм «Афоня»). Снимать надо было в пять утра. Утренний режим – солнце еще не взошло, но уже светает. По задумке там, за окном, должны были возвращаться со свадьбы молодожены. Но в половине пятого выяснилось, что свадебное платье невесты забыли в Москве. Я уже хотел снимать просто пейзаж, но тут оператор Сергей Вронский показал мне на лошадь, которая тащила телегу с бочкой...

– Пусть эта телега проедет, – сказал он.

Сняли лошадь.

Первой на этот кадр обратила внимание жена художника Левана Шенгелия Рита.

– Как ты это потрясающе придумал, – восхищалась она после просмотра на «Мосфильме». – Как это точно!

– Что точно? – осторожно спросил я.

– Лошадь! Он делает предложение – а потом лошадь. Вот и Катя, как эта несчастная лошадь, будет тащить груз омерзительного, пьяного хамства и нищеты всю жизнь! Ведь так?

Я скромно кивнул.

Через год «Афонию» показывали в Лос-Анджелесе в большом кинотеатре. Рядом со мной сидел классик американского и мирового кино, тбилисский армянин Рубен Мамулян. Когда на экране появилась лошадь с бочкой, раздались аплодисменты. После просмотра я его спросил:

– Рубен, а почему аплодировали, когда появилась лошадь?

Он усмехнулся:

– Не думай, что американцы такие тупые, как пишут ваши газеты. Что тут понимать? Он спрашивает «Ты замуж за меня пойдешь?» И сразу – лошадь с повозкой. Замужем за ним она и будет, как эта лошадь. Я угадал?

И я опять не стал уточнять. Кому интересны лишние подробности?

Ким

В ноябре мы с Шухратом были в Краснодаре на практике – на съемках картины Григория Рошалья «Хожение по мукам». Мама работала там вторым режиссером, а директором картины был Виктор Серапионович Циргиладзе, мой старый знакомый: именно он гонялся за мной с палкой на съемках «Геоργия Саакадзе» после случая с цыганочкой.

Ну, что я могу рассказать об этой практике? Съёмки как съёмки, все это я уже видел не раз. Ярко мне запомнилась такая картина: вечер, закат, поле, черный силуэт съемочного крана, на нем – человек... Мне даже захотелось про это снять фильм (у меня в жизни так бывало – картинка, а потом фильм. Вертолет на замке – «Мимино», девушка и парень с зонтиком – «Я шагаю по Москве»).

На практике в Краснодаре. 1956 год. «Хожение по мукам». В центре в шляпе Шухрат Аббасов. Слева сидит Григорий Львович Рошаль, а справа – я!

«Хождение по мукам». Григорий Рошаль и я.

С Циргиладзе всегда работал Ким – скромный седой человек с усталым лицом. Мы никак не могли определить его должность. Иногда он носил стул за режиссером, иногда на нем ставили свет, а чаще всего он просто стоял около камеры. Наверное, Ким и сам прекрасно понимал, что без него спокойно могут обойтись, и поэтому очень старался быть полезным.

Снимали сцену «ранение Рощина». Накануне ночью подморозило, и лужи покрылись коркой льда. Николай Гриценко, который играл белого офицера Рощина, предложил эффектный кадр: Рощина ранят, он падает и лицом разбивает ледяную корку. «Снимайте наверняка, – предупредил Гриценко. – Падать буду только один раз».

Настроились, тщательно все проверили.

– Все готовы? – спросил Рошаль?

– Готовы.

– Камера! Начали!

И Гриценко самоотверженно рухнул лицом в лужу. Разбил он щекой лед или не разбил, никто не увидел, потому что тут же с криком «ой, он упал!» в кадр вбежал Ким и стал поднимать Гриценко: «Коля, больно?»

Хорошо, что Гриценко в этой сцене был без сабли, а то разрубил бы Кима на кусочки.

И еще у Кима было одно занятие – когда снимали с крана, если оператор слезал с площадки, туда сажали Кима, чтобы не нарушалось равновесие.

Как-то снимали километрах в тридцати от города в степи. После съемки обратно в Краснодар мы с Шухратом ехали в «газике» с Циргиладзе. На полпути Циргиладзе спохватился:

– Ребята, а где Ким?

Ким всегда ездил с ним.

– Не знаем.

Развернули машину, поехали обратно.

На фоне заходящего солнца чернел силуэт крана. А на верхней площадке крана, сгорбившись, сидел Ким.

– Ты что там делаешь, болванчик?! – истошно заорал Циргиладзе.

Болванчиками Циргиладзе называл всех. Одних в глаза, других (Рошаля, например) за глаза.

– Меня забыли, – виновато объяснил Ким.

До войны Ким был большим начальником в нашем кино. Потом от него ушла жена, он запил и пропал. Объявился во время войны в Тбилиси: жалкий, опустившийся... Его случайно на улице встретил Циргиладзе, узнал – и с тех пор они не расставались.

Сикильдьявка

На диплом я решил снять драму. Остановился на «Русском характере» Алексея Толстого: обожженный танкист приходит на побывку домой, и мать его не узнает.

Моим индивидуальным мастером был Калатозов. Я написал сценарий и отнес ему на утверждение.

– Позвоните завтра в десять, – сказал Калатозов.

Назавтра ровно в десять набираю номер и слышу, как приятный женский голос говорит в трубке: «Калатозова нет дома. Если хотите что-то передать, говорите после сигнала. В вашем распоряжении минута». Тогда об автоответчиках еще никто не слышал. Звоню каждый час – то же самое.

Встречаю в коридоре «Мосфильма» своего друга, дипломанта ВГИКа Тамаза Мелиава.

– Хочешь послушать чудо техники?

Завожу его в комнату, набираю номер и даю трубку:

– Слушай.

«Калатозова нет дома. Если хотите что-то передать, говорите...»

– Эту финтифлюшку он, наверно, из Америки привез, – сказал Тамаз и тут же предложил:

– Есть два пятьдесят. Поехали в «Арабат».

– Не могу. Мне к Калатозову надо.

– Оттуда позвоним.

В шикарном, по тем временам, ресторане «Арабат» висели бамбуковые занавески и была зеркальная стена, в которой отражался весь зал.

Конечно, на два пятьдесят следовало идти не в «Арабат», а в пивнушку, но Тамаз, как и его учитель Сергей Юткевич, был эстетом. (К примеру, он никогда не открывал бутылку пива зубами.)

Тамаз долго и степенно выяснял у официанта, какие есть коньяки? И что он порекомендует на горячее? А кто шеф-повар? В итоге заказал: коньяк «три звездочки» сто пятьдесят грамм, кекс две порции и лимон. И велел принести самые маленькие рюмочки. Официант почтительно кивнул и заспешил выполнять заказ.

Было в Тамазе нечто такое, что неотразимо действовало на официантов. Заказ на копейку, а официанты почтительны и услужливы.

На два пятьдесят в «Арабат» я бы ни с кем кроме Тамаза Мелиава не пошел.

Я вышел в холл позвонить Калатозову. Занято! Когда дозвонился – снова женский голос. Вернулся в зал – за нашим столиком сидят еще двое.

– Познакомься, – говорит Тамаз, – наши друзья из ГДР.

Немцы приподнялись, мы пожали друг другу руки. И немцы уставились в меню (к нам их посадили потому что мы были самыми трезвыми). Официант принес наш заказ: графинчик с коньяком, два ломтика кекса и две дольки лимона.

– Еще две рюмки! – распорядился Тамаз.

Официант заторопился за рюмками.

Когда появились рюмки, Тамаз встал, разлил коньяк и предложил выпить за великого немца Эрнеста Тельмана. Все встали, Тамаз произнес тост, перечислив заслуги Тельмана перед человечеством. Мы выпили. И тут же Тамаз предложил выпить за соратника Тельмана, верного ленинца Вильгельма Пика. Начал разливать – на одну рюмку не хватило... Тамаз поставил графинчик на стол и задумался. Немцы пошушукались, заказали еще сто пятьдесят. Официант принес. И Тамаз продолжил тост за Вильгельма Пика. Расхваливал его с такими подробностями, словно он с ним в школе учился.

Мы выпили за Вильгельма Пика, и Тамаз предложил выпить за выдающегося деятеля Коммунистической партии Советского Союза Никиту Сергеевича Хрущева. Разлил коньяк – опять на одну рюмку не хватило. Опять Тамаз поставил графин и вздохнул, а немцы опять пошушукались и заказали... И так минут двадцать.

Мы выпили за «миру мир», за «солидарность со странами третьего мира», за кубинскую революцию и Фиделя Кастро (отдельно), за Николае Чаушеску и в его лице – за лидеров всех стран социалистического лагеря...

А после того, как мы выпили за женщин – за Надежду Крупскую, Розу Люксембург, Клару Цеткин и Екатерину Фурцеву – немцы, так и не присев, заплатили за то, что они заказывали, попрощались и, покачиваясь, пошли на выход. Но перепутали направление и врезались в зеркало – в то место, где отражалась дверь.

– Пора и нам, – Тамаз посмотрел на часы. Он собирался ехать на вокзал встречать Вахтанга Абрамашвили, который вез бочонок вина, и позвал меня с собой.

– Не могу. Мне к Калатозову надо.

– Надоел ты со своим Калатозовым!

Позвонили из вестибюля. «Калатозова нет дома. Если хотите что-то передать...» – заговорил автоответчик.

– Передайте ему, что он сикильдявка, – пропищал Тамаз в трубку противным высоким голосом.

– Ты что, с ума сошел? Ты что натворил?! Он теперь решит, что это я!

– Я женским голосом говорил, он подумает, что это пошутила поклонница.

Вахтанга мы встретили, бочонок он привез...

...На следующий день я опять не смог дозвониться до Калатозова и решил поехать без звонка. Калатозов оказался дома.

Сценарий он забраковал:

– Фальшиво. Мать не может не узнать сына, она сердцем чувствует.

Зазвонил телефон. Калатозов трубку не взял, и знакомый женский голос проговорил свой текст, что Калатозова нет дома и т. д. Потом – шип и сопение. Потом гудки.

– Это автоответчик, – объяснил Калатозов. – Для сообщений, когда абонента нет дома. Но я его не отключаю. Звонит столько ненужных людей, что я не беру трубку, если не называются. Вчера в десять я ждал вашего звонка, и если бы вы назвали, я взял бы трубку. А кстати, Гия, вы случайно не знаете, что такое «сикильдявка»?

– Нет, – твердо ответил я, честно глядя ему в глаза.

И сказал чистую правду. Что такое сикильдявка, я до сих пор не знаю. И спросить уже не у кого.

Нафталин

Я остался без сценария. И Тамаз Мелиава, который чувствовал себя виноватым за «сикильдявку», отдал мне свою очень удачную инсценировку небольшого эпизода из романа «Война и мир», который он собирался поставить на площадке во ВГИКе.

Ночь. У костра солдаты варят кашу. Из леса выходят два француза, голодные, ободраные, почти босые. Солдаты усаживают их у костра, кормят кашей, дают водки. Французы поели, выпили и заснули. «Тоже люди», – удивился молодой солдатик Залетаев (его играл юный Лев Дуров, это был его дебют.)

Условия съемок теперь были лучше, чем на курсовой: пленку дали один к пяти, была профессиональная съемочная группа и техника.

Снимали зимой, ночью, в лесу недалеко от «Мосфильма». Было очень холодно, и мой однокурсник, грек Манус Захариас (он играл французского офицера), простудился. На следующую ночь у него была температура 38,5, и пустить его босиком на снег мы, естественно, не могли. Так что в кадре «босые ноги французского офицера» мы снимали мои ноги.

Я стою босиком на снегу, а оператор Николай Олановский уже двадцать минут ставит свет.

– Скоро?

– Сейчас еще один бэбик поставлю – и все.

(Бэбик – маленький осветительный прибор.)

Поставили бэбик.

– Все?

– Все. Сейчас только эффект от костра сделаем.

Осветитель взял еловую ветку и начал махать перед прибором.

– Быстрее! – скомандовал Олановский.

Осветитель замахал быстрее.

– Медленнее!

А я все стою. Наконец сняли дубль. Олановский просит повторить. Сняли второй. Коля просит – еще: надо теперь помахать веткой у другого прибора. «Дорвался! Устроил себе именины сердца!» Сняли третий.

– Все! Снято! – крикнул я и побежал к автобусу.

– Стой! Не снято! – завопил Олановский. – Еще один дубль! Я только еще один бэбик добавлю!

– Нет уж, хватит!

Утром отдали пленку в проявку. К вечеру узнаем, что наш материал напечатали. Терпения ждать, когда его выдадут, не было, и мы побежали в лабораторию, и запросились посмотреть вместе с ОТК.

Идет наш материал, все нормально: лес, костер, солдаты... На экране – ноги на снегу, а на них – эффект костра. Хорошо! Не зря ветками махали. Первый дубль, второй... Женщина в белом халате (технический контролер) поворачивается ко мне и спрашивает:

– Нафталину насыпали? Или соль?

– Снег.

– Да ладно. Я-то вижу, что не снег.

Мне стало очень обидно. Два пальца зря отморозил! Наверное, все-таки надо было дать Олановскому поставить еще один бэбик.

Пырьев

Так прошло два года. Первые полтора мы учились в идеальных условиях. У нас была большая аудитория, свой просмотровый зал, куда три раза в неделю привозили картины из фильмофонда. Все мы были зачислены в штат студии как ассистенты режиссера первой категории, с такой же зарплатой.

И все потому, что эти курсы придумал Пырьев, – а он был перфекционист: все, что его, должно быть на самом высоком уровне.

Когда Пырьев стал директором, он развернул на «Мосфильме» грандиозное строительство. Построил два новых корпуса с павильонами, вырыл пруд, огородил территорию высокой чугунной решеткой и стал добиваться, чтобы все Воробьевы горы передали «Мосфильму» для натуральных площадок.

Тут-то его и сняли.

А без Пырьева никто не знал, что с нами делать. Оказалось, что режиссерские курсы «Мосфильма» не зарегистрированы Министерством высшего образования, и диплома режиссера-постановщика нам никто выдать не может. А если нет диплома, то и постановки нам не полагается.

Побежали к Пырьеву. Но Пырьеву было не до нас: его персональное дело было на контроле в ЦК. А дело заключалось в следующем. Пырьев к тому времени придумал и пробил в правительстве Союз кинематографистов. Снимать фильмы и руководить объединением ему было мало, надо еще куда-то девать свою неугасимую энергию. Думаю, если бы у Пырьева не отняли «Мосфильм», то никакого Союза кинематографистов не было бы.

Пырьев отвоевал здание на Васильевской, отремонтировал его и решил устроить во дворе летний ресторан. Но ему не хватало площади для помоста с роялем. Надо было отодвинуть забор на два с половиной метра.

Пырьев пошел по инстанциям – районные, городские, союзные... И везде получил отказ. Потому что рядом с Домом кино была школа, и никто не решался отнять землю у детей.

Тогда Пырьев со своим верным соратником оргсекретарем союза Григорием Марьямовым купили бутылку водки школьному сторожу и ночью втроем – сторож, Марьямов и Первый секретарь Союза кинематографистов Пырьев (депутат Верховного Совета СССР, Народный артист СССР, лауреат шести Сталинских премий) – переставили забор. Как показала потом экспертиза – на два метра шестьдесят сантиметров.

А утром Пырьев лично явился в школу и вручил постоянные пропуска в Дом кино директору школы и завучу. И все были довольны.

Кроме учителя истории – парторга школы. Учителю истории стало обидно, что Пырьев не признает ведущей роли коммунистической партии, и он написал письмо лично главе государства Никите Сергеевичу Хрущеву: что режиссер Пырьев ограбил советских детей.

И теперь персональное дело Пырьева Ивана Александровича было на контроле в ЦК.

А мы так и остались в штате «Мосфильма» ассистентами режиссера первой категории. Но уже без зарплаты.

И я устроился третьим вторым режиссером к режиссеру Файнцимеру на картину «Девушка с гитарой». Проработал два месяца и понял, что уже не хочу быть вторым режиссером. Хочу снимать сам!

Редактор Марьяна Качалова, которая курировала курсы, посоветовала:

– Ищите сценарий. Будет сценарий – будет шанс. Хорошо бы современный на производственную тематику. Или военно-патриотический.

Производственная тематика

После четвертого курса архитектурного мы с Джемсом Жабицким проходили практику на строительстве МГУ.

Когда мы появились на стройке, здание уже было возведено и шли отделочные работы. Я попал к прорабу по кличке Ётить.

– Студент, ётить? Будешь у меня мастером по ремонту облицовки.

Здание было облицовано керамическими плитками.

Лифт не работал, и мы полезли пешком на тридцать первый этаж. Через окно вылезли на подмостки. Там курили солдаты. Подмостки были подвесными – покачивались, и было страшновато. Ётить объяснил:

– Стучишь по плитке – если звук полый, ставь на раствор новую. Твой участок от сих до сих. И еще тут.

Он пошел по доске за угол: там были такие же подмостки, а между ними лежала незакрепленная доска. Тридцать первый этаж, люди внизу казались муравьями – ступить на эту доску я не решался.

– Ты где, ётить! – крикнул Ётить. – Иди сюда!

Я пошел. Мне показалось, что доска поехала, и я вцепился в трос. Ётить еле отодрал меня:

– Ты чего бздишь, ётить? Здесь два шага.

Через какое-то время я привык и ходил совершенно спокойно.

Начал работать. Солдаты курили и советовали, а я простукивал плитки, и ненадежные отдирали.

Через пару дней Ётить поднялся посмотреть. И обалдел:

– Ты что, ётить, о...л?! Ты все расфурычил!

– Только где звук полый.

– Забудь про звук, ётить! Постукал – если не отлетела, оставляй!

Так я и делал. Не знаю, каким образом эти плитки до сих пор держатся.

На шпиле над нами работали заключенные. Двое каким-то образом умудрились бежать и попали в цементный раствор (потом мы использовали это в сценарии «Джентльмены удачи»).

Как-то пришел на стройку – около открытого люка стоит солдат-узбек и кричит что-то непонятное. Стали собираться люди. Оказывается, в подземные коммуникации пошел ядовитый газ. Появились пожарники и начали вытаскивать тела работавших там солдат. Некоторых врачи смогли спасти.

Другая производственная тематика

В феврале пятьдесят пятого меня от ГИПРОГОРа командировали на полтора месяца в Свердловскую область, проверить схему расселения нескольких небольших городов Северного Урала (это когда я не взял с собой Ы-Фынь).

Приехал в Свердловск, обошел гостиницы – мест нет. Сдал чемодан в камеру хранения на вокзале, посмотрел расписание – поезда во все нужные мне города уходят из Свердловска вечером и идут ночь. Это меня устраивало – там и буду спать.

Уезжал вечером и рано утром, часа в четыре, приезжал на место. До города поезд каждый раз не доезжал несколько километров – очевидно, чтобы сбить с толку шпионов: во всех этих городах были военные заводы. Идешь в темноте по шпалам. Входишь в город – широкие улицы, одноэтажные дома и высокие заборы (раньше там жили староверы.) Прохожих еще нет, спросить, где дом приезжих, не у кого. Мороз сорок градусов, и собаки лают.

В доме приезжих, когда его разыщешь, долго стучишь в дверь. Открывает заспанная горничная:

– Мест нет.

Показываешь командировочное удостоверение, начинаешь уговаривать – пускает. Как правило, в домах приезжих было две-три комнаты на втором этаже, и, в основном, жили в них те, кто работал на заводе. Люди спали на кроватях и на полу – на матрасах. Садись на лестнице, на ступеньки, и ждешь. В шесть – подъем, пора на завод. Все быстро собираются и уходят, а я, не раздеваясь, ложусь поверх одеяла на освободившуюся кровать и досыпаю. Ну, а потом иду в горисполком согласовывать схему расселения: в какую сторону будет развиваться промышленность, где строить жилье, где спортивный комплекс. А потом иду смотреть, что они уже построили без согласования с центром.

Обедал в столовых. Меню незамысловатое: суп из головизны (из рыбьих голов) и макароны с маргарином, больше пятнадцати копеек на обед не потратишь... Вечером возвращался в дом приезжих, знакомился с людьми, меня угощали хлебом с маргарином и чаем. А когда все ложились спать, я вносил поправки в свои чертежи.

Так и ездил около месяца. В Свердловске я бывал проездом, мылся в бане, менял белье в камере хранения на вокзале, где хранил свой чемодан. Хорошо, что Ы-Фынь со мной не пустили. Хоть и партизанка, но все-таки женщина.

С той поездки запомнился такой эпизод. Чуть-чуть потеплело, стало подтаивать. На улице – месиво из глины, снега, стружек. Подхожу я к столовой, там какой-то пьяный лежит, поет.

Из столовой вышел парень – ну прямо молодой Есенин. Яркие синие глаза, соломенный чубчик, фуражка, а на фуражке очень много значков.

Захожу в столовую, беру суп из головизны. На меня поглядывают: новый человек, и одет необычно. Там все в основном в ватниках, много бывших заключенных. Сидят, пьют пиво, под столом водку разливают... И вдруг заходит тот парень со значками, в глазах – такая трагедия:

– Я рупь потерял... У меня рупь был, а я его потерял...

Мне жалко его стало. Я положил рубль рядом со своим столом и говорю:

– Малый, а вот здесь какой-то рубль валяется!

Парень удивленно посмотрел на меня:

– Ой, он мне рупь дал! А я его не знаю! Он мне рупь тут положил, а я тут и не сидел!

И вижу, все сидящие в столовой смотрят на меня. И нехорошо смотрят. Кто-то сказал:

– Еврей, наверное.

И все потеряли ко мне интерес. А парень ушел из столовой, так и не взяв мой рубль.

Когда я доел свою «головизну» и вышел на улицу, парень ждал меня у дверей:

– Приезжай, ты ко мне с добром. И я к тебе с добром. На. Бог в помощь.
И дал мне бумажную иконку Богоматери.

Между прочим. Эту иконку я два года носил в паспорте. А потом в метро у меня паспорт украли. И иконку. И после этого мы с Ирой разошлись. Тихо, мирно, но все равно, когда есть ребенок, это трагично. Хотя отношения у нас по сей день добрые и уважительные.

Когда вернулся в Москву и сдал чертежи, сообразил, что забыл исправить названия. У меня на синьке плана города Нижняя Сысерть почему-то было написано: «Красноуфимск» а на синьке Красноуфимска – Нижняя Сысерть. Кто-то до меня напутал. Я попросил вернуть мне бумаги, но мне отказали:

– Нельзя.

– Почему? У меня же есть допуск.

– У вас простой. А здесь «Ольга Павловна». (Особая папка).

– Так там только то, что я сам нарисовал!

– Нельзя.

Так и не дали мне исправить названия. Надеюсь, в дальнейшем не построили на кладбище в Красноуфимске футбольный стадион, как это было нарисовано в синьке «Нижняя Сысерть».

Военно-патриотическая тема

– Баба – она что? Баба – она бывает ручная, ну и дизель-баба. Ручная для утрамбовки, а дизельная – сваи заколачивать. На керосине работает. А ручную и самому сделать можно – берешь бревно, отпиливаешь и прибиваешь гвоздями палку. Записали? Теперь шинеля, – полковник Епифанов, который преподавал нам в архитектурном военное дело, читал лекции без переходов от одной темы к другой. – Идет бой. Вы в атаке, и надо преодолеть проволочное заграждение. Но – зима. Вы снимаете и кидаете на проволоку свои шинеля, по ним преодолеваете, значит, препятствие и – в атаку. А про шинеля больше не думаете, вы за них материально не отвечаете.

– А если ранят? – спросил я.

– И если ранят, не отвечаете.

– А если убьют?

– И если убьют, не отвечаете.

Все заржали.

– Фамилия? – спросил меня Епифанов.

– Данелия.

– Идите и доложите генералу, что я вас выгнал с занятий.

– Товарищ полковник, я больше не буду. Это я случайно, не подумав...

– Я не ваша мама, Данеля. Идите.

Генерала назначили к нам заведовать военной кафедрой недавно. И все его боялись, говорили – зверь, чуть что не так – сразу выгоняет из института. Идти к нему мне не хотелось, но куда деваться – пошел. Перед дверью генеральского кабинета застегнул пиджак и верхнюю пуговицу на рубашке (рубашка была мне мала, и шею сдавило так, что трудно было дышать). Постучал.

– Да?

Я открыл дверь. За столом сидел маленький тщедушный старичок в генеральской форме и что-то писал.

– Товарищ генерал, разрешите войти?

– Войдите.

Я, чеканя шаг, подошел к столу:

– Разрешите доложить, товарищ генерал!

– Докладывайте.

– Студент третьего курса Данелия явился доложить, что полковник Епифанов его выгнал с занятия!

Генерал поднял голову, посмотрел на меня выцветшими голубыми глазами и забарабанил пальцами по столу.

«Сейчас вышибет из института», – понял я.

– Ты вот что, сынок... – сказал генерал. – Ты на него не обижайся. Он контуженый. У него под Черниговом парашют не раскрылся.

Второй раз я увидел генерала на военных сборах в Нахабино, на занятии по подрывному делу – генерал по специальности был подрывником.

В Нахабино был деревянный мост через речушку, и наш взвод учили, как его можно взорвать. Поскольку учебных пашек в части не было, мы использовали настоящие. А генерал велел поставить и взрыватели – «Чтобы все было максимально приближено к боевым условиям!» И наблюдал, как мы под руководством лейтенанта из нахабинской военной части прикрепили к каждой свае по толовой пашке и подсоединили провода... Потом объявили перекур. Генерал тоже свернул «козью ножку», затыкнулся и сказал лейтенанту, что, мы, конечно,

сделали все правильно, по инструкции. Но такую фитюльку, как этот мостик, он, генерал, мог бы и пятью пашками убрать. Лейтенант робко возразил – пятью никак, минимум двенадцать. Генерал взял прутик и начертил на земле мост:

– Вот тут поставить, тут, тут, и тут двойной. И нет моста!

Наш генерал в 41-м, во время отступления, взрывал мосты от Бреста до Воронежа.

– Извините, товарищ генерал, но это сомнительно.

– Не веришь? – завелся генерал. – Сейчас поверишь. Поставь по этой схеме.

– Но, товарищ генерал...

– Выполнять!

Лейтенант выполнил.

Генерал снял сапоги и галифе (под галифе оказались застиранные синие сатиновые трусы, а выше колена – наколка: два голубка, под ними надпись: «Егор + Глаша») и, осторожно ступая худыми ногами в синих жилах, влез в воду, – самолично проверить все контакты. Потом вернулся на берег и приказал лейтенанту:

– Этих положи, – он показал на нас, – эту гони отсюда, – возле моста сидела собака.

– Взвод, ложись! – скомандовал лейтенант и бросил в собаку камень.

Мы легли, собака убежала, генерал крутанул «динамо», и... Мостика не стало.

Местные власти начали было скандалить, но командир дивизии прислал солдат из стройбата, и они через неделю построили новый мост, в два раза шире прежнего. Новый мост генералу понравился.

– Другое дело. Это уже мост, – сказал он лейтенанту. – Этот пятью не возьмешь. Тут, самое малое, восемь надо.

Об этом разговоре доложили командиру дивизии. Командир дивизии поднажал на начальство, и генералу в срочном порядке выдали льготную путевку в санаторий в Карловы Вары, которой он добивался уже два года: после ранений у генерала вырезали полжелудка и селезенку. Наш генерал прошел три войны: Гражданскую, финскую и Великую Отечественную...

...– Сколько можно валяться и ни черта не делать? – сказал отец, когда вернулся с работы. (У меня привычка – когда думаю, я лежу на диване, задрав ноги на спинку стула, и курю.)

– Я работаю, папа. Думаю.

– Ну-ну. Хорошая у тебя работа...

Война

Война застала нас с мамой в Тбилиси, возвращаться в Москву отец нам запретил. Сам он в 41-м был на фронте, на передовой, строил подземные КП для верховного командования. Немцы наступали с такой скоростью, что они ни одного КП не закончили, и два раза оказывались за линией фронта в немецком тылу. Чудом удавалось выбраться.

А мы с мамой застряли в Тбилиси на два года – жили в доме мы Верико. Мама работала помощником режиссера на «Грузия-фильм», а я четвертый и пятый класс проучился в 42-й русской школе.

Когда я вспоминаю Тбилиси тех лет, перед глазами такая картина: посередине улицы Ленина, под уклон, на тележках с колесиками из подшипников, отталкиваясь руками от мостовой, мчатся два безногих парня лет двадцати, русский и грузин, в тельняшках и бескозырках с ленточками. Ленточки развеваются, раненые горланят: «Вара-вара-вара, приехал я в Париж!» – песня из популярного тогда американского фильма «Три мушкетера». (Через много лет такой эпизод мы с Сергеем Бодровым вставили в сценарий фильма «Француз», который снимала моя жена Галя.)

Тогда в Тбилиси редко можно было встретить не искалеченных мужчин призывного возраста. Грузинский призыв отправили под Керчь, и там почти все погибли. Похоронки, похоронки, похоронки... Не вернулись и мои двоюродные братья, мои кумиры, мастера спорта по боксу Олежка и Игрunchик Иващенко.

...Как и все мальчишки, я хотел убежать на фронт. И мы с моим другом и одноклассником Шуриком Муратовым – Шурмуром – стали готовиться к побегу. Экономили хлеб и сушили сухари (трудно было удержаться и сразу их не съесть). Выменяли у раненых в госпитале бутылку чачи на наган и три пули (чачу Шурмур спер из дома). Но главное – учились на ходу прыгать с поезда: контролеры, часовые, милиция вылавливали таких, как мы, и отправляли домой. У опытных людей выяснили, как это делается: ложишься на ступеньки вагона ногами вперед по ходу, потом сильно отталкиваешься против движения, чтобы потушить инерцию, группируешься и катишься под откос. Тренировались на товарных поездах. Как умудрились не переломать себе кости – чудо!

Назначили день побега. А за два дня мама измазала свое единственное платье масляной краской и очень расстроилась. Я попытался ее утешить:

– Возьми платье у Верико, у нее много.

– Мы и так у них на шее висим...

Я взял растворитель у старшего сына Чиаурели, художника Отара, отчистил пятно и показал платье маме. Пятна почти не было видно. Мама прижала меня к себе и заплакала. После этого я пошел к Шурмуру и сказал, что на фронт бежать не могу: мама без меня пропадет, она такая беспомощная, совсем не приспособлена к жизни.

Между прочим. А Шурмур убежал, но через месяц вернулся. Почему-то он попал не на фронт, а в Иран, где у него были родственники-ассирийцы. И угощал всех в школе «трофейными» финиками – он выменял их в Иране на наган.

...Весной сорок третьего мы с мамой, наконец-то, вернулись к отцу в Москву.

Конечно, там еще были воздушные тревоги, затемнение, рогатки на улицах, в школе не топили... Но самое страшное было уже позади: немцев отогнали и бомбежки были уже не те... Но мы с ребятами из нашего подъезда все равно дежурили на крыше нашего дома (мы теперь жили в доме метростроевцев, Уланский переулок, дом 14) и мечтали, чтобы именно на нашу

крышу упала зажигалка. Мы бы ее потушили, и нам дали бы грамоты. А может быть, даже и медаль, как мальчику из Даева переулка.

У нас был очень дружный подъезд: так получилось, в нашем подъезде жило очень много ребят моего возраста. На первом этаже – Миша Степанов, на втором – Инна Хабльева, на третьем – Вова Лозовский и его брат Леня, на четвертом – Авочка Иссар, братья Харис и Вагиз, на пятом Гарик Ананов, Оля Булыгина и Ира Либензон, а на шестом (на моем) в квартире напротив – братья Савицкие: Толя и Витя. Все примерно одного возраста, – год туда, год сюда.

Мы дружили. А в сорок четвертом, когда начались победные салюты и по репродуктору играли гимн, девочки под гимн во дворе учили нас танцевать: «НАС ВЫРАСТИЛ СТАЛИН» – шаг вперед правой ногой, – «НА РАДОСТЬ НАРОДАМ» – шаг вперед левой ногой – «НА ТРУД И НА ПОДВИГ» – шаг в сторону правой ногой, – «ОН НАС ВДОХНОВИЛ» – приставляем левую ногу к правой... Сейчас я понимаю – это было счастье: мы побеждаем, в небе сверкает фейерверк, а ты танцуешь и обнимаешь девушку!..

А потом – День победы!

Зимой сорок пятого я заболел паратифом и проболел полгода. Но девятого мая меня не смогли удержать дома. С утра было очень солнечно, из всех репродукторов звучала музыка, пел Утесов. Мы с ребятами пошли на Красную площадь. Проезжал милиционер на мотоцикле с коляской:

– Залезай!

Мы всемером облепили мотоцикл и так доехали до Манежной, где уже было полно народу. Люди пели, танцевали. Какой-то подполковник купил у мороженщицы целый лоток и бесплатно раздавал всем мороженое. Многие плакали...

Мы протиснулись на Красную площадь – прошел слух, что будет выступать Сталин. И все ждали – а Сталин все не появлялся. Мне хотелось увидеть Сталина, но болезнь давала о себе знать: я еле на ногах держался от слабости. Попрощался с ребятами и пошел домой. Когда доплелся до Уланского, из подворотни навстречу вышел пьяный майор: босой, без ремня, с парабеллумом в руке. Наставил на меня револьвер, крикнул:

– Хенде хох!! – и выстрелил.

Я повернулся и побежал. Сзади крик: «Стой, гад! Гитлер капут!» и еще один выстрел. Я забежал во двор и спрятался в подъезде за дверью – по лестнице подниматься сил не было. Долго стоял, смотрел в щелочку – офицер не появился...

«Похороны прабабушки»

Пришел ко мне Игорь Таланкин (мы с ним вместе учились на курсах) с тоненькой книжечкой:

– «Сережу» Пановой читал?

– Нет.

– На, прочти. Если понравится, объединимся.

Я дочитал до половины и сказал:

– Классная штука. Давай срочно звонить Пановой, пока кто-нибудь не перехватил.

Позвонили в Ленинград Вере Федоровне Пановой, сказали, что мы молодые режиссеры, хотим снять фильм по ее повести «Сережа» и просим ее написать сценарий. Панова отказалась: – «Некогда, да и не умею». (До фильма «Сережа» Панову никто не экранизировал.)

– Да там почти готовый сценарий!

– Вот и напишите сами.

Писали сценарий так: я сидел за машинкой и печатал одним пальцем, а Таланкин, *задрав ноги*, лежал на диване. Работали дружно. Разногласия возникали только по форме. Таланкин сочинял:

– Колокольня стремительно уносилась вверх. Казалось, по небу плывут не облака, а колокольня плывет в них.

А мне было лень печатать одним пальцем столько лишних слов, и я печатал просто «Колокольня».

Спор.

Или – Таланкин начинал описывать туманное сиреневое утро, а я печатал: «Утро».

Скандал.

Когда напечатали страниц двадцать, прочитали и поняли: все слишком просто, нет яркого режиссерского решения. Находок нет!

Мы напряглись и к часу ночи нашли яркое режиссерское решение – снимать фильм глазами маленького мальчика, то есть в ракурсе снизу. А мальчика вообще не показывать, звучит только детский голос за кадром.

На следующий день мы несколько поостыли и направили мощь своего таланта только на одну сцену: «Похороны прабабушки». У Пановой эта сцена написана хорошо, но слишком уж просто: тетя нарядила Сережу и повела на похороны. Сережа хвастается: «А мы прабабушку сегодня хороним»... Но это Панова. А где же мы?

И мы решили: людей в этой сцене не показываем, все действие снимем отраженно, на тенях, под «Похоронный марш».

Писали неделю. Для настроения бесконечно заводили пластинку Шопена. Написали и остались очень собой довольны.

Тут как раз собрался съезд писателей. Панова приехала в Москву, мы созвонились, и она назначила нам встречу в ресторане Дома литераторов.

– Но нас не пустят!

– Я закажу вам пропуска.

Приехали в ЦДЛ, и нас проводили к писательнице. Вера Федоровна – полная, степенная – сидела за столиком в Дубовом зале ресторана. Мы представились:

– Игорь.

– Георгий.

– Пожалуйста, имя и отчество, – сказала Панова.

– Да не надо...

– Мне так удобнее. И фамилии, пожалуйста.

Оказывается, через несколько дней после нашего звонка к Пановой пришли с «Ленфильма» покупать права на экранизацию «Сережи», но она отказала. Сказала, что звонил кто-то из Москвы, и она уже дала им разрешение писать сценарий. На вопрос: «кто?» Панова ответить не смогла, потому что мы забыли ей сказать, как нас зовут.

– Как идет работа над сценарием? Получается?

– Переводим действие на киноязык. Хотите, прочитаем сцену? – предложил Таланкин.

– Прочитайте.

Таланкин открыл папку, где лежала наша гордость – только что законченные «Похороны прабабушки»:

– Вера Федоровна, только этот эпизод идет под музыку. Без музыки все будет восприниматься не так эмоционально. Поэтому, если не возражаете, Георгий Николаевич будет напевать мелодию.

Панова не возражала. И Таланкин с выражением начал читать:

– Идет по земле тень Сережи. Раздаются звуки похоронного марша.

Я запел «Траурный марш».

– В кадр входят тени людей, несущих гроб. Идут под музыку тени с гробом. Камера панорамирует вверх. Проплывают ветви деревьев. Чистое небо. Слышно, как падает земля на крышку гроба...

– Бум! Бум! Бум! – изобразил я и снова запел.

– Камера панорамирует вниз. В кадр входит белая кладбищенская стена. На ней тени стоящих у могилы и тени двух рабочих. В кадре слепое, в подтеках лицо полуобвалившегося памятника. И вдруг памятник стремительно проваливается вниз...

– Цам! – изобразил я тарелки...

Немногочисленные посетители ресторана стали на нас оглядываться.

– Камера взлетает в небо...

– Цам!

– ...летит над маленькими и нестрашными крестами могил. Тени крестов все гуще и гуще. Отчаянный сережин вскрик, – Таланкин повысил голос, – Музыкальный акцент!

– Тррр-рр! Цам! – Я добавил к тарелкам барабанную дробь.

– Камера, вылетев за ограду кладбища, останавливается на краю обрыва! И мы слышим голос Сережи: «Коростелев, а я тоже умру?» И голос Коростелева: – «Нет, брат, ты никогда не умрешь», – с пафосом закончил Таланкин.

– И тут вступает флейта, – сказал я.

Выслушав всю эту ахинею, бедная Панова долго молчала.

– Ну как? – не выдержали мы.

– Извините, товарищи, но я в кино не очень понимаю, – сухо сказала она. И ушла.

А мы надрались.

Через два месяца мы показали готовый сценарий Марьяне Качаловой.

– Я двумя руками за! – похвалила она, прочитав. – Но если в авторах будут стоять только ваши фамилии, этот сценарий не примут. Надо, чтобы в титрах обязательно стояло имя Пановой.

Вера Федоровна Панова была признанным писателем. А признанные писатели тогда приравнивались к государственным фигурам и с ними считались.

Позвонили в Ленинград, сообщили Вере Федоровне, что сценарий готов и спросили, не собирается ли она в Москву.

– Не скоро. Приезжайте вы. Я вам забронирую номер в «Европейской».

Мы взяли билеты на «Стрелу» и утром были в Ленинграде. Пошли в «Европейскую». Нам вручили ключи. Мы поднялись в номер и присвистнули: это были трехкомнатные апартаменты с картинами и антикварной мебелью. А может, она и заплатила? Пошли вниз выяснять. Нет,

не заплатила! Мы рассчитались за сутки, тут же поехали на вокзал и с трудом наскребли на два бесплаткартных билета в общем вагоне на завтра.

А собирались провести в Ленинграде несколько дней.

Отнесли сценарий Пановой, поблагодарили за гостиницу и попросили, ссылаясь на срочные дела, обязательно прочитать до завтра. Очень не хотелось ночевать на вокзале.

На следующий день до двенадцати (конец суток) забрали из гостиницы вещи и пошли за ответом.

– Не так плохо, как я ожидала, – сказала Панова. – Но подпись под этим, – она постучала по папке со сценарием, – в таком виде я не поставлю.

– Почему?

– А вот почему, – она открыла сценарий на закладке. – Вот! «Навстречу проехал автобус с пионерами, и они закричали «Обогнали! Обогнали!» Ну как же так можно, товарищи?! «Навстречу» проехали и «обогнали»! Может быть, все-таки «мимо» проехали? А?

Мы облегченно вздохнули.

– Да, точно. «Мимо».

Потом последовало еще несколько замечаний в таком же духе, с которыми мы тут же согласились, и Панова поставила свою подпись.

Верная Марьяна Качалова отнесла сценарий новому директору «Мосфильма», и новый директор, не вникая, кто мы такие и откуда взялись, увидев на обложке фамилию Пановой, запустил фильм в производство. В третьем объединении, которым руководили Александров и Рошаль.

Оператором мы взяли Толю Ниточкина (это был его дебют). художником – Веру Низскую (тоже дебют). А директором картины согласился стать мой старый знакомый Циргиладзе, который тут же, не спрашивая нас, прикрепил к фильму опытного второго режиссера, ассистента и своего друга Кима. Второй режиссер и ассистент искали актеров, мы писали режиссерский сценарий, Ким кипятил воду и заваривал чай.

Режиссерский мы писали вчетвером, с оператором и художником. Обговаривали каждый кадр. Потом я зарисовывал. Всего кадров было 505.

На художественном совете объединения сценарий прошел, но нашу «прабабушку» потребовали убрать: «Фильм детский, нечего детей пугать». Мы не очень расстроились: знали, что эпизод несложный и мы его все равно снимем.

Борис Павлович

Пока писали режиссерский сценарий, были найдены и утверждены актеры на роли Коро-стелева и мамы, на роль дяди-капитана, тети Паши и Лукьяныча. Из детворы были найдены Лидка и Шурик, остались Сережа и Васька.

Сережу мы представляли себе светленьким и голубоглазым. И к нам толпами приводили светленьких и голубоглазых мальчиков пяти-шести лет. Они читали стихотворение. Одно и то же – про Ленина. Оно мне уже ночами снилось.

Однажды привели черненького мальчика, пятилетнего Борю Бархатова. Стихи он неожиданно прочитал не про Ленина, а «Вот парадный подъезд» Некрасова, – «р» он не выговаривал, и в его исполнении «парадный» звучало как «паадный». Забавный пацан. Мы решили опробовать его на пленку.

Боря Бархатов – Сережа.

- Пока ставили свет в павильоне, Боря подошел ко мне и спросил:
- Георгий Николаевич, скажите пожалуйста, сколько энергии поглощают эти приборы?
  - Не знаю, спроси у оператора.
  - Анатолий Дмитриевич, – он сразу запомнил, как кого зовут, – скажите пожалуйста, сколько энергии поглощают эти приборы?
  - Мне некогда. Спроси у бригадира осветителей.
  - Товарищ осветитель, сколько энергии поглощают эти приборы?
  - Мальчик, иди гуляй!

– Что за работники? Никто ничего не знает!

Все засмеялись.

– Вот сейчас ты удивился. А можешь сказать то же самое возмущенно? – спросил Таланкин.

– Выругаться?

– Да.

– Что за работники! Одни балды! Никто ничего не знает! Жуки навозные! Так? Или еще сердитее?

– Достаточно, – сказала Борова мама, испуганно глядя на нас.

Борю перекрасили в блондина, и Сережа был найден. Остался Васька. Кого бы ни приводили пробоваться на эту роль – я всех категорически отвергал, хотя ребята вроде бы были подходящие. Таланкин уже начал злиться.

История Васьки мне чем-то напоминала историю моего школьного друга Володи Васильева по прозвищу Мюнхгаузен. И поэтому, наверное, я подсознательно хотел, чтобы Васька внешне был похож на него.

Толя Савицкий, Мюнхгаузен и я. 1945 год.

Из раскадровки. Васька и Сережа с Шуриком.

Между прочим. Мюнхгаузен жил в Уланском переулке, в доме напротив. Прозвище ему дали за то, что он никак не мог определиться с отцом: то это был легендарный чекист, которого убили бандиты, то легендарный бандит, которого убили чекисты.

Мама у него была учительницей, и у нее тоже было прозвище – Ходячий МУР. Мюнхгаузен связался с блатными, в школу не ходил, болтался на улице, а мама все пыталась затащить его домой и запереть. Поэтому, завидев мамашу, Мюнхгаузен пускался наутек. Она не могла его догнать и кричала: «Держите! Он у меня сумочку украл!» Сердобольные прохожие Мюнхгаузена отлавливали и начинали лупить. Мать подбегала и бросалась на сердобольных:

– Отпустите ребенка, фашисты!

Я с Мюнхгаузеном дружил – он был веселый и добрый парень.

– Завязывай, – советовал я. – Посадят!

– Исправлюсь, – обещал он.

Но не смог. Его и правда посадили.

В «Серёже» шалопая-Ваську посадить не успели – вовремя приехал дядя-капитан и забрал Ваську, чтобы перевоспитать и отдать в морское училище.

Прошло много лет. Звонок в дверь. Открываю: стоит высокий парень в заграничной морской форме.

— Вам кого?

Улыбается:

– Разрешите доложить? Я – Мюнхгаузен!

Оказывается, отец Володи во время войны был командиром партизанского объединения в Болгарии. А после войны – членом болгарского

Политбюро. Он разыскал семью, и Мюнхгаузена с мамой специальным самолетом доставили в Софию.

Отец Мюнхгаузена перевоспитал и отдал в морское училище.

Бондарчук

Время поджимало. Васек, похожих на Мюнхгаузена, все не было и не было, и мы утвердили на эту роль мальчика, который нравился Таланкину. Потом сняли исполнителей всех ролей на пленку и показали пробы худсовету объединения. Утвердили всех, кроме Коростелева:

– Хорошо бы Коростелева сыграл такой актер, как Сергей Бондарчук. Если уговорите Бондарчука, мы вас запустим. Сценарий мы ему уже послали.

Мы вышли с худсовета растерянные и подавленные.

– Бондарчук – Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. Тарас Шевченко, Отелло... На хрена он нам?! – ругался я.

– Зря паникуем, – подумав, сказал Таланкин. – Не станет он сниматься в нашей маленькой, простенькой картине.

И с этой надеждой мы поехали к Бондарчуку выполнять решение худсовета – уговаривать.

Бондарчук и его жена Ирина Скобцева встретили нас приветливо, усадили за стол, напоили чаем и угостили заграничным печеньем. Таланкин начал витиевато извиняться, что наш сценарий без нашего ведома послали такому выдающемуся актеру, что мы мечтаем, чтобы Сергей Федорович снимался у нас, но, конечно, прекрасно понимаем, что его не может заинтересовать такая примитивная роль. И что...

– Почему? – перебил его Бондарчук. – Сценарий мы прочитали, роли понравились. Мы с Ирочкой согласны.

Я поперхнулся чаем. Приехали! Директор совхоза «Ясный берег» – Отелло, а деревенская мама Сережи – Дездемона!!! (Бондарчук и Скобцева снимались в фильме «Отелло», на нем и поженились.)

Но куда деваться... И мы с Таланкиным соврали, что очень рады.

Пока у нас был подготовительный период, фильм Бондарчука «Судьба человека» получил Главный приз на Московском фестивале. И Бондарчук полетел в Мексику на фестиваль фестивалей – представлять свой фильм в Акапулько.

А нашу картину мы начали снимать без него.

А когда он вернулся в Москву, в Краснодар, где у нас были съемки, пришла телеграмма: «Связи запуском фильма «Тарас Бульба» сниматься в «Сереже» не смогу. Понимаю подвожу, но это мечта жизни. Извините. С уважением, Бондарчук».

Мы в панике. Конец сентября, а у нас героя нет! Если срочно не найдем, картину закроют! Начали звонить всем, кто мало-мальски подходил на эту роль. Безуспешно – все заняты.

Тут пришла вторая телеграмма: «Связи закрытием «Тараса Бульбы» если еще нужен могу прилететь Краснодар».

И Бондарчук прилетел: энергичный, загорелый, в шикарном заграничном костюме. Я, Таланкин и Ниточкин жили втроем в одном номере, а Бондарчука Циргиладзе поселил в двухкомнатном люксе. (Бондарчук приехал один. Скобцева должна была приехать позже.)

На следующий день снимали сцену: Сережа приносит сломанный велосипед, а Коростелев огорченно говорит: «Да, брат, ловко ты его».

Снимаем крупный план Бондарчука.

– Да, брат, ловко ты его, – улыбается Бондарчук.

– Стоп! Сергей Федорович, здесь Коростелев должен огорчиться.

– Угу. Давайте.

Боря Бархатов, Ирина Скобцева и Сергей Бондарчук.

Снимаем второй дубль.

– Да, брат, ловко ты его, – опять улыбается Бондарчук.

– Сергей Федорович, а попробуйте сказать это не так весело. Все-таки Коростелев купил велосипед, потратил деньги, и за мальчика обидно...

– Угу. Давайте.

Третий дубль – снова улыбается.

Мы, конечно, предполагали, что с Бондарчуком будет трудно работать, но не знали, что в такой степени.

Вечером в тот же день Бондарчук справлял день рождения – ему исполнилось тридцать девять. Он у себя в люксе угощал нас ухой, которую сам приготовил на кухне гостиничного ресторана. Уха была вкусная. Но я, когда набрался, высказал имениннику все, что о нем думаю... И что снимать его, Бондарчука, нас насильно заставили, и что он нам всю картину портит, и кто он такой есть...

На следующий день в пять тридцать утра, как обычно, зазвонил будильник. Мои соседи сели на кроватях и мрачно уставились на меня. Тут же открылась дверь, в комнату зашел Циргиладзе, положил на стол трешку и сказал, что сегодня Бондарчук не снимается, и пусть Таланкин угостит его пивом. А я чтобы ехал на съемку, снимал детей и близко к Бондарчуку не подходил! (Мы понимали – если Бондарчук откажется сниматься, это конец.)

Вечером возвращаюсь – у входа в гостиницу стоят Таланкин с Бондарчуком. Я кивнул и хотел пройти мимо.

– Данелия! – окликнул Бондарчук, – ужинал?

– Нет.

– Пошли в ресторан.

За ужином Бондарчук рассказывал про Акапулько, про прозрачное Карибское море, где плавают рыбы удивительной расцветки и дно видно до большой глубины, про то, как индейцы ныряют с высоченной скалы в прибой, а я все ждал, когда он дойдет до дела и начнет со мной разбираться.

Двадцать один год ждал.

На юбилее, когда Бондарчуку исполнилось шестьдесят, я в тосте сказал, что благодарен судьбе за то, что она подарила мне Бондарчука. Что если бы не его органичное чувство образа и не его советы, фильм «Сережа» был бы много хуже, а моя судьба сложилась бы совершенно иначе.

– Это был только тост или ты так извинялся? – спросил Бондарчук, когда я сел.

На правах близкого друга, я сидел рядом с юбиляром.

– За что извинялся?

– За то, что сказал, что я бездарный и глупый надутый индюк.

– Когда я сказал? Кому?!

– В Краснодаре. Мне.

Надо же, вспомнил!

– И тост, и извинился, – сказал я.

После ресторана мы поехали к нему и продолжили юбилей в узком кругу на кухне.

И Сергей тогда впервые рассказал мне, как он узнал, что получил звание Народного СССР.

В фильме «Тарас Шевченко» в 51-м году Бондарчук сыграл главную роль. Фильм имел большой успех. А сам Бондарчук тогда разошелся с первой женой, жить ему было негде и он ночевал на сцене Театра киноактера.

Как-то утром зовут его в кабинет директора к телефону.

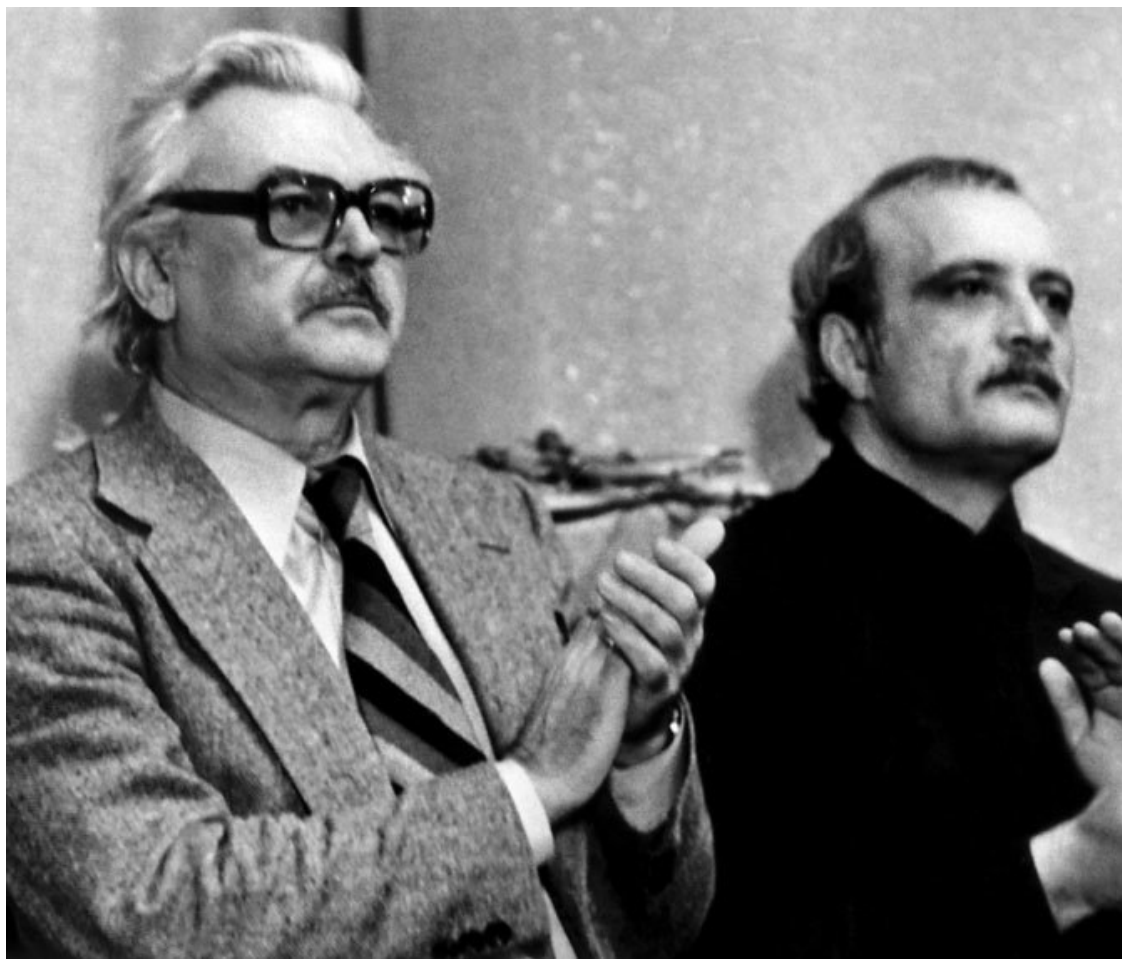
– Здравствуй, Бондарчук, – сказал голос в трубке. – Поллитра поставишь?

– А кто это?

– Василий Сталин беспокоит.

“Серёжа”. Сергей Бондарчук и Ирина Скобцева.

Сергей Бондарчук и я. 1980 год.

– Здравствуйте. Поставлю... А за что?

– Приходи к шести в «Арагви», узнаешь, за что.

Бондарчук не очень-то поверил, что звонил сам сын Сталина, – скорее, это был чей-то розыгрыш, но в «Арагви» на всякий случай пришел.

Его встретили у входа и проводили в отдельный кабинет, где действительно сидели сын Сталина Василий и известный футболист Всеволод Бобров. Василий Сталин положил перед Бондарчуком журнал «Огонек» с портретом Бондарчука в роли Шевченко на обложке. Под портретом – подпись: «Заслуженный деятель искусств РСФСР Сергей Федорович Бондарчук». «Заслуженный деятель» было зачеркнуто ручкой, а сверху написано: «Народный артист СССР». И подпись – «И. Сталин».

Поллитра Бондарчук поставил, – он еще не знал, сколько неприятностей его ждет из-за этой поправки. По правилам, «народного СССР» давали только после «народного РСФСР», а «народного РСФСР» – только после «заслуженного РСФСР». То есть раньше пятидесяти никто этого звания не получал. А Бондарчук «народного СССР» получил сразу и совсем молодым: ему не было и тридцати. Конечно же, завистники (а таких всегда было немало) его возненавидели. До перестройки ненавидели тайно, а после перестройки – явно. И не было тогда ни одной статьи, ни одного выступления об отечественном кино, в которых бы, надо-не надо, не поносили Бондарчука. Его, первого нашего обладателя «Оскара», даже делегатом на съезд кинематографистов не выбрали. Не попал в число четырехсот достойных.

Бондарчук переживал, но виду не показывал. Тогда ему очень помогла жена Ирина Скобцева – ее поддержка и забота.

В начале девяностых актер Арчил Гомиашвили пригласил меня в свой ресторан «Золотой Остап» встречать Новый год. Я позвонил Бондарчуку, поздравил с наступающим и спросил, где они встречаются.

– Дома, – сказал Бондарчук. – Вот с Ирочкой сидим.

Прежде Бондарчуков приглашали на прием в Кремль.

Я позвал их в «Золотой Остап».

– Сейчас у Ирочки спрошу. – И после паузы. – Она хочет.

Мы с Галей заехали за Бондарчуком и Скобцовой и поехали в «Золотой Остап». Через некоторое время в ресторане появились Федор и Алена, дети Бондарчуков. Очень хорошо мы встретили тот Новый год.

Сергея Бондарчука хоронила вся Москва. И фильмы его до сих пор живы и идут по всему миру.

Пономарев

В подготовительный период к фильму «Сережа» мы разделились: Таланкин остался в Москве работать с актерами, утверждать эскизы декораций, заниматься костюмами, сметой... А мы с Ниточкиным поехали выбирать натуру. Нужна была деревенская улочка, которая выходила бы на высокий берег реки, а за рекой – совхоз «Ясный берег». И чтобы улочка кончалась не избой, а добротным деревянным домом. А на улочке – травка, чтобы паслась коза.

Администратором с нами Циргиладзе послал своего зама, Пономарева. Циргиладзе был маленького роста, Пономарев – еще меньше. Циргиладзе было под семьдесят, а Пономарев был еще старше. Но Циргиладзе обычно кричал, а Пономарев бурчал себе под нос. И с этим заместителем Циргиладзе поднял такие постановочные махины, как «Георгий Саакадзе», «Падение Берлина», «Хождение по мукам», а позже – «Войну и мир».

Пономарев был активный общественник. Примерно раз в неделю он появлялся с каким-нибудь подписным листом, и из того, что он бурчал, можно было различить только два слова: «рубль» и «юбилей». Или «рубль» и «похороны». Слово «рубль» всегда звучало четко.

Начать съемки мы могли только в сентябре – раньше не успевали. Под Москвой в сентябре будет уже холодно – а у нас дети бегают босые – надо ехать на юг. Поехали в Ростов, в Астрахань. Подходящую улочку не нашли. Есть улочка с травкой и обрыв – нет дома. Есть дом – нет улочки с травой и совхоза за рекой. Новички, мы не понимали, что все это без потерь можно снять монтажно: отдельно дом с улочкой, отдельно обрыв и совхоз. У меня в фильме «Совсем пропащий» Король и Герцог выходят из коляски в Латвии, а в следующем кадре девочки подбегают к ним в Литве. А на экране – единое место действия.

Позвонили на студию. Нам посоветовали поискать на Украине.

Еще в Москве Пономарев предупреждал нас, что суточные он будет выплачивать каждый день. Если даст сразу – мы или потеряем деньги, или прокутим.

С утра мы с Ниточкиным на такси, оплаченном Пономаревым через кассу таксопарка, мотались по городу и его окрестностям. Возвращались в дом колхозника вечером, когда магазины уже были закрыты. Пономарев, который с нами не ездил, предлагал:

– Могу дать деньги. Или, если хотите, у меня есть кролик, перцовка и соленые огурчики. Решайте.

Голодные, мы, естественно, каждый раз выбирали кролика с перцовкой. И у Пономарева оставался навар: по нашим подсчетам – ровно рубль.

Побывали в Чернигове, Золотоноше, Диканьке – опять ничего. Приехали в Ворошиловск. Идем с вокзала в дом приезжих – вдруг истошно завывли сирены, и пожарники в противогощах начали загонять прохожих в подвалы. Оказалось – учебная тревога.

В суете Пономарев куда-то потерялся. Когда дали отбой, мы с Ниточкиным искали, подождали в доме приезжих – нет Пономарева! Исчез. Позвонили на «Мосфильм», сказали: если Пономарев объявится, пусть оставит свои координаты на киевском главпочтамте и ждет нас. Если нет – пусть переведут нам туда деньги на обратные билеты. После звонка у нас осталось два рубля тридцать копеек.

Время поджимало. В поисках Дома Сережи мы начали ездить на попутках и товарных поездах по городам и селам. Питались *только* черным хлебом и чесноком, с тоской вспоминая кролика с огурчиками. Спали на вокзалах.

Как-то долго тряслись в кузове грузовика. Сидели у кабины на брезенте. Под брезентом подо мной было что-то круглое и твердое, думал, арбуз. Дорога – отечественная, на колдобинах и ухабах подбрасывало так, что я весь зад себе отбил. Остановились у чайной. Из кабины вылез водитель, крикнул:

– Петро, исти будешь?

А из-под брезента сиплый голос:

– Ни!

Шофер скрылся в дверях чайной. Мы с Ниточкиным переглянулись и опасливо приподняли брезент – там сладко спал Петро.

Мать честная!! Это я два часа у него на голове сидел!

Мы с Толей прыгнули с грузовика и смотались.

Пошли пешком и к вечеру добрались до Киева. Подошли к Главпочтамту и видим – на ступеньках сидит Пономарев. «Фу! Живой, слава богу!»

– Ты куда делся?!

– В тюрьме сидел, – мрачно сказал он.

А дело было так. У Пономарева были камни в почках. Стоило ему понервничать, камни начинали двигаться, и тогда он мог писать только лежа. Когда в Ворошиловске объявили тревогу, Виктор Михайлович решил, что началась война. От нервного потрясения ему захотелось писать, и он прилег во дворе у какого-то обшарпанного здания. А это оказалось районное отделение милиции, и ему вlepили трое суток за хулиганство.

Вернулись мы в Москву ни с чем. Полный крах!

– Под Краснодаром будем снимать – сообщил Циргиладзе. – Я вам там декорацию построю.

– Почему под Краснодаром?! Там нет ничего похожего! – сказал я.

– Потому что уже осень на носу, а в Краснодаре самое большое количество солнечных дней.

Правильная дорога

Пока в Краснодаре строили декорацию, мы решили снять под Москвой эпизод «Колокольня». Циргиладзе предлагал нам построить декорацию звонницы в павильоне, – снимать будет удобнее. Но мы отказались: хотелось, чтобы все было убедительно, по-настоящему, чтоб была высота, чтоб была фактура.

И мы с Таланкиным и Ниточкиным решили в воскресенье поехать на моем «Москвиче», поискать колокольни с уцелевшими колоколами.

Посмотрели по карте – очень понравилось название «Спас-Клепики». И дорога туда была обозначена как дорога первой категории. Поехали. Проехали километров тридцать по асфальту и дорога «первой категории» перешла сначала в грунтовую, потом – в проселочную, а потом и вовсе в тропинку. Едем по полю. Въехали в лужу и завязли. Пытались вытащить – никак. Сидим на травке, курим и ждем – может, кто-нибудь проедет. Поле, огромная лужа, а посреди поля на ржавых железных столбах – огромный портрет Ленина с простертой вперед рукой и надписью «Правильной дорогой идете, товарищи!»

Наконец появился трактор.

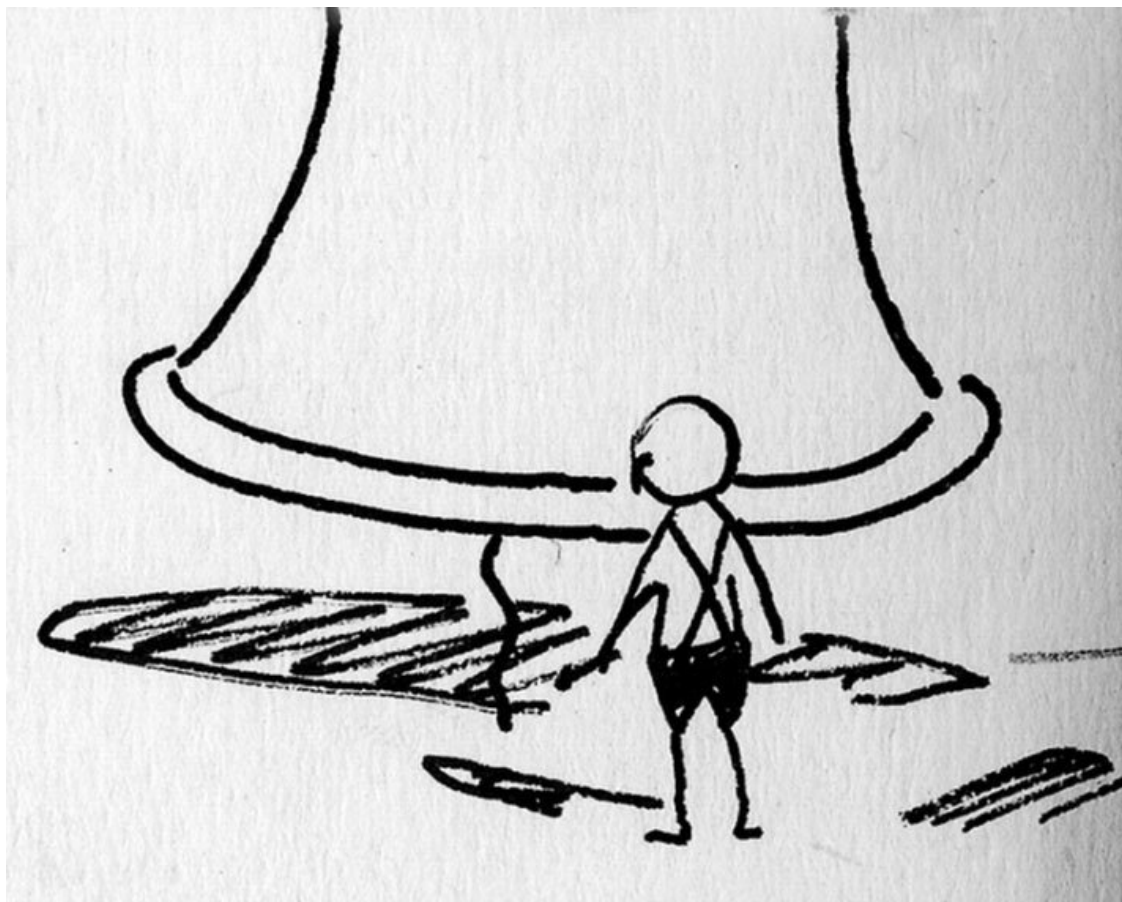
– Троса нет, – сказал тракторист.

Мы показали бутылку водки.

Тракторист извлек из-под сидения веревку, привязал к ней большую гайку и закинул на электрические провода. Дернул, содрал провод, оставив без света какой-нибудь колхоз или район, и вытащил наш «Москвич».

Колокольня.

Из раскадровки.

Мы поехали в том направлении, куда указывал Ленин. Там и нашли колокольню с уцелевшим колоколом.

Через несколько дней приехали снимать. С трудом по узкой винтовой лестнице затащили камеру, штативы и осветительную аппаратуру на самый верх. Кабеля не хватило. Пришлось тащить еще и два больших аккумулятора от танка.

Снимать было тесно и неудобно. Точки отхода не было. Но мы все-таки разбили блюдечко о штатив (киношная традиция) и сняли сцену. И на сорокаметровой высоте отметили первый съемочный день шампанским.

Это было 3 августа 1959 года. В этот день родился мой сын Колька.

Скорпионыч

В Краснодаре Циргиладзе повез нас смотреть декорацию. Она стояла на обрыве километрах в двадцати от города.

– Вот дом, вот обрыв, – показывал он, довольно потирая руки. – Пойдемте.

Повел нас дальше:

– Вот улочка, вот совхоз.

Конечно, Краснодар самый солнечный город России, но когда мы на следующий день поехали на съемку, было облачно и холодно.

Прождали солнца до часу и уехали обедать. Только начали есть суп – вышло солнце. Быстро вернулись обратно – пока доехали, солнце зашло за тучи.

И так три дня подряд. Уезжаем обедать – выходит солнце. Возвращаемся – пасмурно. На четвертый решили сделать вид, что едем обедать, а сами спрятались. Но вариант не прошел. Небеса не обманешь.

Вечером из Москвы пришел материал, снятый под Москвой – сцена на колокольне. Смотрели в ближайшем кинотеатре втроем: я, Таланкин и Ниточкин. Вышли подавленные – материал ужасный, все фальшиво, куцо, и нет никакой высоты и фактуры. А главное, что не пере-снимешь – когда вернемся, будет уже зима, а под Краснодаром колоколен с колоколами нет.

На следующий день с утра опять было пасмурно. Выехали на съемку. Подъезжаем – водитель сворачивает не налево, а направо.

– Ты куда?

– Скорпионыч велел (за глаза Циргиладзе все звали Скорпионычем).

Над обрывом стояла декорация – звонница с колоколом, и тут же расхаживал, потирая руки, довольный Циргиладзе:

– Вот колокол, а вот высота.

Сел на свой «газик» и уехал.

– И откуда он знал, что у нас в Спас-Клепиках ни черта не получится? – спросил я у Кима.

– От верблюда, – буркнул Ким.

Утром шестого дня в пять утра с улицы донесся дикий вопль Циргиладзе:

– Солнце! Поехали, поехали! Где эти болванчики режиссеры?

Мы у Циргиладзе проходили по категории людей, которых он за глаза называл «болванчиками».

Быстро собрались, приехали на место. Поставили рельсы, камеру, свет, начали репетировать сцену: Сережа бежит за Васькой и Женькой и говорит: «У меня есть сердце, оно стучит. Послушайте, хотите?»

– Это я снимать не буду, – заявил Ниточкин.

– Что «это»?!

– Небо как простыня. Дождемся, пока облачка появятся.

– Какие облачка?! При чем здесь облачка?! – заорал Циргиладзе. – Неделю солнца ждали! Детей снимай!

– Нет.

Тогда во ВГИКе на операторском учили, что небо без облаков снимать не стоит.

– Снимай, Толя, – попросил Таланкин. – Не до облачков.

– Меняйте оператора, – уперся Толя.

– И поменяем! Завтра же здесь будет другой оператор! – взорвался Циргиладзе.

– Виктор Серапионыч, с другим оператором работать мы не будем, – сказал Таланкин.

– Да?! – Циргиладзе побагровел.

– Не будем, Виктор Серапионович, – подтвердил я.

– Тогда ищите себе другого директора!

Циргиладзе резко развернулся и пошел. Ким – за ним. Они скрылись за «домом Сережи», и оттуда донесся крик:

– Эти болванчики думают, что с ними будут цацкаться! Кому они нужны! Триста метров отставания! Закроют к чертовой бабушке!

Таланкин покосился на Ниточкина.

– Куинджи! Левитан! – сплюнул и закурил.

Из-за дома выбежал Ким:

– Валидола ни у кого нет?

– А кому?

– Виктору Серапионовичу!

Все побежали за декорацию. Побледневший Циргиладзе сидел на ступеньках и держался за сердце.

– Виктор Серапионович, не волнуйтесь, – сказал Ниточкин. – Снимем так, без облачков!

– Толя, – Циргиладзе взял у гримерши таблетку валидола, положил под язык, – моя профессия погонять. А твоя профессия... Ты должен... – Циргиладзе щелкал пальцами, он никак не мог найти подходящего слова.

– Виктор Серапионович, облака идут! – сказал Ким.

На горизонте показалось маленькое облачко...

Как мы похоронили прабабушку

Наконец установилась солнечная погода, и мы начали снимать. Снимали три недели без перерыва – надо было догнать отставание. В группе стали роптать, и Циргиладзе объявил два дня выходных. Мы решили в эти два дня снять похороны прабабушки. Что нам нужно? Камера и оператор – есть. Сережа – есть. Гроб – возьмем в похоронном бюро. С могильщиками договоримся – скинемся, на все про все полсотни за глаза хватит.

Пошли в похоронное бюро, попросили дать нам гроб напрокат.

– Как напрокат? – обалдел продавец. – Вы что, собираетесь его обратно выкопать?

Мы объяснили, что гроб нужен для кино. Кино продавец уважал, но паспорт в залог за гроб взял.

На следующий день гроб погрузили в кузов грузовика и поехали на кладбище (бутылка портвейна). Представились директору (бутылка коньяка). Он указал нам место, где можно копать, и выделил двух могильщиков (четыре бутылки водки).

Начали снимать с кадра: «Сережина тень бредет меж падающих на дорожку теней крестов». Гроб несли Ким и механик (кролик и перцовка после съемки в нашем номере). Двое, потому что тени от четырех сливались бы. Чем выше солнце, тем меньше тень, и к моменту съемок тень от Бори оказалась слишком маленькой. Борю с мамой отправили домой, а Сережин берет с помпоном напялили на Таланкина – самого высокого. Ниточкин попросил, чтобы он и штаны снял: видно, что длинные – Сережина тень должна быть в коротких. Таланкин снял брюки, остался в трусах, а брюки отдал на хранение костюмерше, которая присутствовала на съемке, потому что мы взяли Сережин игровой берет, за который она была материально ответственна. Костюмерша сидела на скамеечке у решетки могилы, и потом рассказала нам, как наши съемки выглядели со стороны.

Двое в кепках, хихикая, несут гроб. За ними идет долговязый мужик в трусах и в берете с помпоном – несет цветок. За ним – другой мужик с какой-то бандурой, этого мужика поддерживает маленький уса́тый грузин. Грузин громко поет похоронный марш (я пел, чтобы задать темп движения камеры). Солнце зайдет за облако – вся компания садится на гроб и начинает курить. Солнце выходит – опять несут и поют.

К костюмерше на лавочку подсел седой ветеран с медалями и спросил:

– Что это они?

– Прабабушку хоронят, – сердито ответила костюмерша (ей казалось, что Таланкин растягивает Сережин берет).

– А зачем садятся?

– Солнца ждут.

– А... – ветеран немного помолчал. – Грузинка?

– Кто?

– Прабабушка.

– Почему грузинка?

– А зачем солнца ждут? И вон тот грузин поет? У них обычай такой – гроб нести только при солнце можно, – сообщил ветеран. И добавил: – Наверно.

– Солнце – чтобы это идиотство снимать, – сказала костюмерша и нервно закурила.

Сережину тень между крестов мы в конце концов сняли, пошли снимать тени рабочих на стене. Подходим – а у нашей «могилы» стоит кучка людей и открытый гроб. В гробу лежит старушка, а над ней священник поет отходную. В сторонке курят наши могильщики.

– Что же вы, ребята? Мы же с вами договорились!

– А что не так? Вы говорили, что старушку, они и принесли старушку...

Пожилая женщина, плача, наклонилась к гробу: «Мама, мамочка...» Потом подошел старик, поцеловал старушку в лоб и отошел, вытирая слезы трясущимися руками. Женщина обняла его: «Ладно, папа, ладно».

Мы постояли, помолчали.

– А может, ну ее, нашу прабабушку, – сказал Ниточкин.

И мы с ним согласились.

Расскажу еще одну историю с гробом. К одному тбилисскому скульптору, свану, спустились с гор из Сванетии родственники и, поскольку скульптор знал русский язык, попросили привезти тело умершего в Сибири земляка (по обычаям, свана должны похоронить в родной земле). Родственники купили цинковый гроб и дали скульптору деньги на дорогу.

Дорога была через Москву. Скульптор в Москве никогда не был и решил задержаться на денек посмотреть столицу. Остановился он у Тамаза Мелиава.

Задержался он не на день, а на неделю, зато посмотрел все: и ресторан «Арагви», и ресторан «Метрополь», и ресторан «София», и пивной бар на Пушкинской. К концу недели сидим в «Гранд-отеле», официант приносит счет, скульптор достает бумажник – и вдруг выясняется, что денег уже мало, не хватает. Кончились почему-то! Ну ладно, здесь не проблема, часы оставим. Но как быть с покойником из Сибири?

Кто-то (кто, не помню) предложил ни в какую Сибирь не ехать, а купить в магазине «Школьные пособия» скелет, положить его в гроб и отвезти. На скелет и дорогу до Тбилиси мы как-нибудь наскребем.

Но скульптор отказался.

Стали вспоминать, у кого можно взять взаймы. Выяснилось, что у всех, у кого можно занять, мы уже заняли.

Ну ладно, что-нибудь придумаем. Выпили напоследок, как положено, за тамаду (которым, как всегда, был Тамаз Мелиава), положили на счет деньги и часы и позвали официанта.

– Не надо, – сказал официант. – За ваш стол заплачено.

– Кто?

– Просили не говорить. Вон в углу сидит.

Скульптор оглянулся и удивленно выдохнул:

– Он...

– Кто?

– Который умер.

Как потом выяснилось, произошла путаница с фамилиями. Наш сван – он работал мастером на буровой – попал в больницу с подозрением на онкологию. Звали свана Зураб Гиоргиани. И в той же больнице лежал другой грузин, тоже нефтяник, Георгий Зурабов. Георгий Зурабов умер, а сообщили о смерти родственникам Зураба Гиоргиани.

А Зураб Гиоргиани приехал в Москву на обследование. И сегодня он празднует, что подозрения на онкологию не подтвердились, а завтра уезжает в Грузию, в свою деревню.

Так что скульптор вместо останков привез в деревню самого свана.

А гроб они не взяли, оставили в камере хранения.

Когда они уехали, Тамаз Мелиава нашел у себя квитанцию и предложил мне забрать гроб и отвезти в похоронное бюро. «Цинковый гроб – это реальные деньги».

Но в похоронном бюро гроб не взяли: свои не знали куда девать, перепроизводство.

– Отнесем ко мне, – предложил Тамаз.

Бюро было недалеко от его дома.

– Зачем? Если здесь не взяли, нигде не возьмут!

– Цинк! Цветной металл! Распилим и загоним.

Понесли. Цинковый гроб тяжелая штука. Тамаз жил на пятом этаже, без лифта, у него была комната в коммунальной квартире. Я предложил до утра оставить гроб во дворе.

– Сопрут, – не согласился Тамаз.

Из последних сил втоптали гроб по лестнице и поставили в прихожей. Жилыцы тут же потребовали его убрать – на психику действует. Занесли гроб в комнатку Тамаза, поставили рядом с диваном. Пилить решили завтра. Пока мы возились с гробом, здорово проголодались. Тамаз сварил макароны. Потом накрыл гроб простыней, поставил на него тарелки...

Так гроб и прижился у Тамаза. Тамаз накрывал его, и гости садились вокруг по-турецки – отличный стол! Восемь человек спокойно помещались: шесть по краям и двое у торцов. А когда кто-нибудь приезжал к Тамазу из Тбилиси, он уступал гостю свой диван, а сам уютно устраивался в гробу.

Прилетел из Тбилиси отец Тамаза, открыл дверь в комнату и увидел – сын в гробу... Сердечный приступ.

Тамаз с сожалением сдал гроб в реквизиторский цех «Мосфильма».

Борис Павлович (Продолжение)

Когда фильм «Сережа» вышел на экраны, на встречах со зрителями чаще всего спрашивали, как мы работали с детьми.

Без системы. Выкручивались каждый раз по-разному.

Снимаем кадр: Сережа сидит на скамейке и думает.

Объясняем Боре:

– Мама вчера вышла замуж. Утром ты проснулся, побежал к маме – дверь заперта. Постучался – не пускают. Вышел, сел на скамейку и думаешь – что ж такое происходит? Понял?

– Понял.

Снимаем. Сидит Боря на скамейке, и по глазам видно – ему смертельно скучно.

Что делать? А если так...

– Борис Павлович, футбольный мяч хочешь?

– Хочу!

– Мы будем считать до десяти, а ты к двум прибавь три и отними один. Камера! Считай!

У Бори в глазах – напряженная работа мысли:

– Четыре!

– Снято!

По сценарию, Коростелев, мама Сережи и младший Сережин брат уезжают в Холмогоры, а Сережа пока остается с тетей Пашей. Но в последний момент, когда грузовик уже отъезжает, Коростелев все-таки решает взять Сережу с собой. Сережа забегает в свою комнату и быстро-быстро собирает вещи. Нам надо было чтобы в этой сцене Сережа метался по комнате, решая, что брать, а что оставлять.

Мы дали Боре игрушки и сказали:

– Спрячь их в разные места в декорации комнаты.

Боря разложил игрушки.

– Все? Мы включим камеру и будем считать до десяти. Что ты успеешь за это время взять, то твое. Мотор!

Счет пошел. Боре надо было вспомнить, где лежит самое лучшее, и он заметался по комнате. На экране эта сцена получилась так убедительно, что Боре позавидовал бы Лоуренс Оливье.

В павильоне каждый кадр требует долгой подготовки. Пока Ниточкин ставил свет, Бондарчук ложился на диван и дремал, а Боря носился по павильону, всюду лазил, прыгал и действовал всем на нервы.

– Борис Павлович, ну, что ты все скачешь? – сказал я. – Вон посмотри на Бондарчука – он тоже актер, а спокойно лежит и никому не мешает.

– Бондарчук народный артист, у него зарплата совсем другая, – объяснил мне Боря.

Самой трудной была для нас сцена, когда Сережа, узнав, что его не берут в Холмогоры, приходит к Коростелеву, просит взять его с собой и плачет.

Как добиться чтобы ребенок заплакал? Накапать глицерина или дать понюхать нашатырь – получится неубедительно. И мы придумали такой вариант: один режиссер – злой и плохой – мальчика обижает, а другой – добрый и хороший – жалеет и заступается. Бросили жребий. Мне повезло – я оказался хорошим.

Поставили свет, подготовили кадр, отрепетировали текст. Но не снимаем, держим паузу. Боря стоит, переминается с ноги на ногу, чешется. И тут Таланкин ему говорит:

– Боря, ты сегодня на леса залезал?

– Залезал.

– Но ты знал, что нельзя?

- Мне интересно – что там? Я ребенок.
- А мы за это тебя накажем. Оставим на ночь в павильоне и запрем.
- Не имеете права!
- А мы и спрашивать никого не будем.
- Здесь крысы!
- Игорь, – вступаю я, – ну действительно... Маленький мальчик, всего пять лет, в этом огромном павильоне, в темноте...
- Какой он маленький, ему уже шесть.
- Нет, пять! – У Бори задрожали губы.
- Нет, уже шесть!
- Нет, пять! Шесть будет только через месяц!
- И Боря заплакал.
- Мотор! Камера! – быстро сказал я. – Боря, говори текст! Снимаем!
- Коростелев, дорогой мой, миленький, я тебя очень прошу, ну пожалуйста, возьми меня в Холмогоры!
- Стоп!
- Таланкин, из какой вы семьи? Где вы воспитывались?
- Еще дубль! Мотор! Боря!
- Коростелев, дорогой мой, миленький, я тебя очень прошу, ну пожалуйста, возьми меня в Холмогоры!
- Стоп!
- Таланкин, фамилия у вас от слова «талант», а сам вы не режиссер, а жук навозный! – рыдая, ругался Боря.
- Тут мы не выдержали. Хохот стоял такой, что третий дубль снимать было невозможно.
- На следующий день, когда Боря пришел, Таланкин ему сказал:
- Здорово ты вчера сыграл, Борис Павлович! Некоторые даже подумали, что ты по-настоящему плакал.
- Боря помолчал и спросил:
- А еще надо будет?
- Ну, еще разок.
- Еще разок? Ладно уж, еще разок поплачу.

Между прочим. Если бы Сережу играл Бондарчук, то проблем бы не было: плакать в кадре Бондарчук умел и любил. В той сцене Коростелев берет Сережу на руки и говорит:

- Ну что ты, брат, делаешь! Ведь сказано же, босиком нельзя!*
- Снимаем. У Бондарчука глаза полны слез. Просим:*
- Сергей, лучше без слез. А то мальчик плачет, Коростелев плачет...*
- Не буду.*

Сняли. Смотрим материал на экране: Бондарчук все-таки пустил слезу. Но только из левого глаза – из того, которого нам во время съемок не было видно.

Другой новый директор

Когда мы закончили «Сережу», сдавали фильм уже другому Новому директору. Принимал он картину в своем зале наверху. Один. Пока фильм шел, директор зажигал лампу за столиком у своего кресла и что-то записывал. Когда фильм кончился и в зале зажегся свет, он тяжело вздохнул:

– Да... Наснимали... Ну неужели у нас такая нищая страна, что все дети босиком ходят?

А чего он хотел? Действие происходит в сорок седьмом году, тогда многие ребята даже в Москве до поздней осени ходили босиком. Но мы спорить не стали, только уточнили:

– У нас Сережа в сандалиях, и Шурик в сандалиях. И Лидка в сцене с велосипедом в тапочках.

– Что вы мне сказки рассказываете! Я же не слепой. Вот у вас там, – он посмотрел в свои записи, – когда дети идут по шоссе – все босые.

– Только Васька и Лидка. А Сережа в сандалиях и Шурик в сандалиях.

Новый директор вызвал своего зама и велел показать эту часть еще раз. Снова показали. Появился общий план – под огромным небом дети идут по шоссе. Директор остановил показ, зажег свет и спросил у зама, видел ли он на ком-нибудь из детей обувь. Зам сказал, что очень мелко, не разглядел.

– Вот я и говорю, – вздохнул Новый директор, – наснимали... А ведь на этом будет стоять марка «Мосфильма»...

Мамина подруга Катя Левина, которая работала в «Искусстве кино», сообщила, что директор прислал в журнал отчет, где написал, что «Мосфильм» снял столько-то выдающихся картин, столько хороших и одну серую и безликую – «Сережа».

На худсовете объединения фильм тоже приняли кисло. И мы с Игорем поняли, что действительно сняли никудышный фильм и что в кино нам больше ничего не светит.

Я позвонил в ГИПРОГОР – возьмут ли меня обратно, а Таланкин стал подыскивать место театрального режиссера.

Следующий просмотр «Сережи» был в Ленинградском Доме кино: они нас пригласили, поскольку Панова была ленинградской писательницей.

В Ленинграде мы впервые посмотрели картину со зрителями, и фильм нам очень понравился. В зале смеялись, аплодировали, в финале многие плакали. И мы смеялись и плакали. И Панова тоже прослезилась, обняла нас и поблагодарила. Больше всех Вере Федоровне понравилась мама Сережи, Ирина Скобцева.

Между прочим. Позже Ирина (Дездемона) сыграла в моих фильмах несколько очень разных эпизодических ярких характерных ролей. (Веселую женщину, врача психиатра, чопорную американскую вдову...) Прав был Станиславский: «Нет маленьких ролей...»

Панова послала телеграмму на «Мосфильм» и поздравила коллектив с удачей.

А мамина подруга Катя Левина сообщила, что Новый директор позвонил в «Искусство кино» и велел перенести фильм из самого плохого в посредственные. И включил его (спасибо Пановой!) в программу показа новых картин для строителей Братской ГЭС. А нас включил в состав делегации.

В Братске наш фильм, как и все остальные, принимали хорошо. Строители – зрители благодарные. А на одном из обсуждений, когда зрители хвалили «Сережу» и спрашивали: «Почему привезли режиссеров, а не актеров?», руководитель делегации Александр Зархи вдруг объявил, что наш фильм посылают на фестиваль в Карловы Вары.

Мы с Таланкиным подумали, что он пошутил, но оказалось – правда.

– А нам почему никто ничего не сказал?

– Ну, забыли, наверное, – замялся Зархи.

Когда мы вернулись в Москву, сразу пошли к оргсекретарю Союза кинематографистов Григорию Борисовичу Марьямову:

– Нашу картину посылают на фестиваль?

– Посылают.

– А нас?

– Вас – нет. Там и так делегация двадцать человек.

– А если мы приз получим?

– От скромности не умрете, – проворчал Марьямов, но сжалился и включил нас в состав делегации. Но не на весь срок фестиваля (две недели), как всех остальных, а только на три дня.

Фильм «Сережа» кончается репликой: «Мы едем в Холмогоры! Какое счастье!»

А мы едем за границу!

Карловы Вары

В те времена считалось, что каждый советский человек за границей представляет не только себя, но и Великую Страну. И вид у него должен был быть соответствующий. В магазинах приличные вещи купить было нельзя, только у спекулянтов. И нам в министерстве культуры выдали два талона в ГУМ на пятый этаж (на пятом этаже продавался дефицит). Мы купили: два одинаковых пальто (венгерских), два одинаковых костюма (румынских), и два одинаковых чемодана (ГДР). И два берета и галстука. «Бабочки» купили в папиросном ларьке напротив моего дома. И полетели!

Стюардесса поинтересовалась, что мы желаем на горячее, курицу или бифштекс? Я заказал бифштекс, а Таланкин курицу. Когда принесли, он спросил:

- Как ты думаешь, курицу вилкой надо есть или руками?
- А бог ее знает. Вилкой, наверно.
- Но курица же птица, а птицу едят руками!
- Подождем, кто-нибудь начнет есть, и увидишь.

Карловы Вары. Игорь Таланкин и я.

Оказалось, что все заказали бифштексы. И Таланкин к курице не притронулся. В самолете было много иностранцев, и он не хотел позорить Родину.

В Чехословакии, помимо прочего, мне хотелось попробовать чешского пива и купить цанговый карандаш «Кохинор» 6Б, как у Михаила Федоровича Оленева. Чешского пива в Карловых Варах мы с Игорем выпили, и немало – членам делегации его бесплатно подавали к обеду. А на сэкономленные деньги я купил не только цанговый карандаш, но еще и две пачки жвачки в Пражском аэропорту (в дьюти фри) для детей. И мы вернулись в Москву с жевательной резинкой, с карандашом «Кохинор», с чешскими бусами для Лили, жены Таланкина, с массой впечатлений. И с «Хрустальным глобусом» – главным призом фестиваля.

Новый Директор тут же позвонил в «Искусство кино», чтобы «Сережу» переставили из средних в выдающиеся. Но поздно – номер ушел в печать.

Получив «Хрустальный глобус», мы попали в разряд «наши молодые, подающие надежды режиссеры». Так нас называли в прессе лет пятнадцать. А потом без переходного периода сразу перевели в «наши старейшие мастера».

Слава

У меня идиотская походка – спина прямая, пузо вперед, попа назад, а ступни врозь. После Карловых Вар иду по коридору «Мосфильма», встречаю коллегу-режиссера:

– Вот что слава делает с человеком! Даже по походке видно, что знаменитость идет!

Насмешил. Какая, к черту, знаменитость? Меня даже в коридорах «Мосфильма» только знакомые узнают.

Знаменитостью я был в 47-м году, в девятом классе, когда организовал школьный джаз. Собрал такой состав: две скрипки, аккордеон, рояль и три конферансье. Сам был руководителем и ударником. Нот я не знал, но, поскольку занимался в боксерской секции, за меня все охотно проголосовали. Еще у нас была певица – девочка Ляля из 610 школы. С косичками, в школьной форме. Она пела под Эллу Фицджеральд, низким голосом и слегка подвывая. И все песни – с английским акцентом. Даже «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина».

У меня был пионерский барабан и тарелка, которую мы выменяли у пожарников. Я сидел впереди всех и в каждый номер, даже в лирическую песню, пользуясь руководящей должностью, вставлял брэк-соло на ударных инструментах. Лупил палочками по барабану и тарелке, по ободу, по боковине, по полу. Крутил палочки между пальцами и подкидывал их к потолку. Вовсю старался быть похожим на своего кумира – самого популярного в те времена ударника Лаци Олаха (его джаз играл в кинотеатре «Форум»).

Через полгода джаз запретили. Но мы быстро сориентировались – назвали ансамблем, выучили краковяк, падеграс и мазурку и вставили в репертуар номера под названием «Пародия на джаз». Пародию разрешили.

Поскольку никто, кроме нас, в окрестностях Уланского «стилягу» не «лабал», мы были нарасхват. Наш школьный ансамбль приглашали выступать не только во все женские школы нашего района, но даже и в министерство деревообрабатывающей промышленности РСФСР. Деревообрабатывающий министр (в нашей школе училась его дочь) так полюбил наш ансамбль, что звал на все праздничные вечера в министерстве. Звонил директору и просил нас прислать. Министерство делало в нашей школе ремонт, поэтому директор не мог ему отказать и шел уговаривать меня. А я набивал цену:

– Некогда, Николай Тихонович. Заниматься надо. У аккордеона по двум предметам тройки, у пианино – по химии двойка, а я – сами знаете... (У меня болезнь – пропускаю буквы в словах. С первого класса.)

Директор шел нам навстречу, и «двойки» превращались в «тройки», а тройки в четверки. А на выпускном экзамене директор собственноручно ручкой с пером № 86 лиловыми чернилами исправил в моем сочинении тринадцать ошибок, и я получил твердую тройку. Четыре ошибки директор оставил – для достоверности.

А один раз за правописание меня хотели крепко побить.

Летом сорок первого года я в Тбилиси бегал плавать на купальню. Тогда, как и сейчас, в моде были татуировки. И я сам себе выколол на руке маленький якорь. Потом такой же якорь выколол своему другу, Шурику Муратову. Потом другому мальчику из 6 «Б» – сердце, пронзенное стрелой. И стал модным татуистом – выкалывал якоря, сердца, кинжалы... А Гамлету (сыну милиционера) я выколол на груди орла, несущего голову женщины. Орел смахивал на курицу, но всем нравилось.

А потом ко мне пришел Жора. Жора учился в ФЗУ и был признанным хулиганом. Он велел мне выколоть ему на плече могильный холмик с крестом и надпись: «Нет в жизни счастья». Полдня я старался, двумя иголками накалывал тушью Жоре на плечо картинку и надпись, и за это получил две папиросы «Север» (тогда я уже курил). А вечером, когда мы играли в футбол, явился разъяренный Жора: оказывается, в слове «счастья» я пропустил вторую «с»

и над «могилой» красовалась надпись «Нет в жизни счастья». Жора хотел меня отлупить, но я предложил вариант: он меня не лупит, а я вместо надписи на его плече сделаю аккуратную широкую черту, а сверху напишу тот же текст без ошибок. Будет очень красиво. И еще в виде компенсации за моральный ущерб на другом плече вытатуирую кинжал, обвитый змеей с чешуей. (Чешуя особенно ценилась, колоть ее было долго и мучительно.) Жора на черту и на кинжал согласился, но писать что-либо на его теле категорически запретил.

В Тбилиси я ездил часто. Летом, в конце пятидесятых, я стоял там на площади Ленина на трамвайной остановке. Подошел третий номер, а мне нужен был пятый. И вдруг из окошка высунулся вожатый трамвая и радостно закричал:

– Привет, художник!

Когда я рисовал татуировку на В. В. Меркурьеве, я очень старался и не пропустил ни одной буквы.

Пригляделся – Жора! Подошел, поздоровался.

– Залезай! По благу без билета довезу!

Я сказал, что мне нужен пятый номер.

Жора закричал, что трамвай сломался, и пусть пассажиры немедленно вылезают! Пассажиры вышли, и Жора без остановок довез меня в пустом трамвае до улицы Николадзе. Прощаясь, я написал свой телефон и адрес и дал Жоре. «Будешь в Москве, заходи».

Жора взглянул и вернул мне листок:

– С другой стороны нарисуй кинжал со змеей.

– Зачем?

– Традиция! – и Жора показал пальцем.

В слове «Москва» я пропустил букву «в».

Тогда, в 47-м, на выступлениях нашего ансамбля в спортивный зал набивалось столько народу, что пожарники в целях противопожарной безопасности сгоняли нас со сцены и несколько раз отменяли концерты.

В Уланском, на Сретенке и на Мархлевского меня все школьники узнавали! А среди «мелочи» (второй-третий класс) шла борьба за честь нести на концерт мой барабан и тарелку.

Победил заика-Козленок, парень из третьего «Б». Я затыкал палочки за пояс, засовывал руки в карманы и шел, насвистывая сквозь зубы, а впереди важно вышагивал гордый Козленок с моими инструментами в руках... Вот когда я был знаменитым!

Прошло много лет. В семидесятых в Доме архитектора на масленицу устроили блины для актеров театра «Современник». По старой памяти позвали и меня. Под конец вечера на эстраду, где играло трио: рояль, контрабас и ударник, поднялся Михаил Козаков и заявил:

– Все знают, что Евгений Евстигнеев хороший актер, но никто не знает, что он потрясающий ударник. Давайте попросим, чтобы он сыграл.

Москва. 1947 год.

Краснодар. 1949 год.

А архитекторы сказали:
– Все знают, что Данелия режиссер, но никто не знает, что он барабанщик получше
вашего Евстигнеева.

Решили устроить соревнование. Евстигнеев сыграл так, что мне на сцену вылезать уже не хотелось. Но отступать было некуда, и я старался, как мог.

Стали решать, кто победил. Актеры кричат: «Евстигнеев», архитекторы – «Данелия». Призвали в арбитры ударника оркестра, толстого и лысого немолодого человека с красными прожилками на щеках. И он на вопрос «кто лучше» сказал, заикаясь:

– К-конечно, Данелия.

А в гардеробе, когда я одевался, он ко мне подошел:

– Г-гия, ты меня не узнаешь? Я К-козленок...

Мы выпили по сто грамм. И больше никогда не виделись.

Первая любовь Чарли-Трубача

И еще одно воспоминание, связанное с джазом.

Иногда в наш школьный оркестр удавалось залучить Чарли-трубача. Чарли было девятнадцать лет. Маленький, щуплый, одетый по моде сорок восьмого года – туфли на толстой каучуковой подошве, брюки дудочкой, пиджак почти до колен, зеленая широкополая шляпа, черные длинные волосы и узкое бледное лицо – Чарли был великолепным трубачом. Но его ни в один оркестр не брали, потому что Чарли играл только джаз. В руках у него всегда был футляр с трубой. И он охотно вынимал ее по первой же просьбе. Встретишь его на улице Горького, или в клубе, попросишь: «Чарли, сыграй» – он тут же достает трубу, вставляет мундштук и начинает «Сан-Луи блюз»... Играл минут пять – пока не подбегали дружинники и не утаскивали Чарли в милицию. При мне так его уводили раза три.

В тот день я проснулся в пятом часу. Уже светает – в начале июня в Москве светает рано – тихо, даже воробьи еще спят. И вдруг слышу – еле-еле, очень тихо – звук трубы, Сан-Луи блюз. Я оделся, вышел. На улице – никого. Прошел переулок, вошел на звук через арку во двор. На третьем этаже в окне – Чарли. Голый по пояс, в шляпе на глаза. Играет на трубе с сурдинкой. Странно, но звук, когда я подошел, не усилился – такой же тихий.

– Что, Чарли, не спится?

– Влюбился...

И я ему позавидовал – у меня все было иначе...

Первая любовь Алика из соседнего переулкa

В апреле сорок второго Алик Глonti из соседнего переулкa (ему было пятнадцать лет) безнадежно влюбился в красавицу Лейлу из нашего переулкa, в которую были влюблены все (я жил тогда в Тбилиси у Верико). Алик писал стихи о своей первой любви и читал их инвалиду финской войны безногому сапожнику Вартану, у которого работал подмастерьем. Вартан слушал стихи, слушал... А потом решил:

– Стихи – это для уха. А я тебе сделаю для глаз.

И пошил Алику ботинки с каблуками из плексигласа, а в каблуки вмонтировал лампочки на батарейках. Наступаешь – лампочка загорается.

Когда стемнело, Алик начал ходить по нашему переулку под окнами Лейлы туда-сюда. Ходит, а каблуки мигают. Очень красиво! И Вартан тоже прикатил на своей тележке, любовался издали. Но недолго наш герой ходил: бабушка Лейлы вышла на балкон и накричала на Алика:

– Ты зачем, идиот, тут своим светом мигаешь? Хочешь, чтобы на наш дом немцы бомбу скинули?! Убирайся, чтобы я тебя больше не видела!

(Во время войны Тбилиси не бомбили, но немецкие самолеты иногда летали над городом, и зенитки стреливали.)

А потом в мастерской, когда Алик, с трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать, вынимал лампочки из каблуков, Вартан сказал:

– Были бы у меня ноги, я бы по десять лампочек на каждую сделал! И плевать мне было бы на любовь. И на первую! И на последнюю!

Моя первая любовь

...Она каждый день ходила через наш двор в булочную за хлебом. Она была... Даже описать ее не могу. Она была как мечта. Я долго собирался и, наконец, отважился познакомиться. Как это делается, я видел в кино.

– Девушка, который час? – крикнул я ей вслед.

– Дурак, – сказала она, не оглядываясь.

Мне было шесть лет, а ей – девять...

Конецкий

После «Сережи» следующий фильм снимать было страшно. Конечно, хотелось такого же успеха, призов на фестивале, статей в газетах... Но я понял: буду рассчитывать на успех – вообще никогда ничего не сниму. Не надо думать о результатах. Надо снимать то, что самому нравится и за что потом не будет стыдно.

И я взял в Первом объединении сценарий Виктора Конецкого «Путь к причалу».

Конецкий жил в Ленинграде и приехал в Москву для подписания договора. А вечером он должен был прийти ко мне домой, знакомиться.

Виктор Викторович Конецкий невзлюбил меня сразу: я встретил его босой и с подвернутыми штанами. Был приготовлен обед, на кухне был накрыт стол... Но я обещал маме натереть пол и не рассчитал время.

Виктор Конецкий. Дружеский шарж.

А Конецкий решил, что это пренебрежение зазнавшегося столичного киношника к неизвестному (тогда) автору.

Но это еще не все. Еще больше он меня возненавидел, когда мы заговорили о сценарии и я сказал, что история его героя, бoцмана Россомахи, для меня не главное, меня больше интересует настроение и антураж. А Конецкий, штурман дальнего плавания, написал о реальном

событии, в котором участвовал сам. Боцман тоже был списан с реального человека. И именно о боцмане, об этом нелюдом, одиноком моряке написал он свой сценарий.

Я Конецкого возненавидел позже – когда два с половиной месяца вынужден был каждое утро слушать, как он поет (два с половиной месяца мы провели в одной каюте – изучая материал к фильму, шли на сухогрузе «Леваневский» по Северному морскому пути). Пел он фальшиво, гнусным голосом, всегда одну и ту же песню... А не петь Конецкий не мог – это вошло у него в привычку.

Между прочим. В другом исполнении эту песню я услышал, когда мы вернулись из плавания и пошли в гости к писателю Юрию Нагибину. Там усатый худой парень взял гитару и запел: «Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет...» Я тронул парня за плечо и вежливо сказал:

– Я вас очень прошу, пожалуйста, спойте что-нибудь другое. От этой песни меня тошнит.

Так я познакомился с Булатом Шалвовичем Окуджавой.

Когда фильм «Путь к причалу» вышел на экраны, Конецкий позвонил и попросил меня срочно приехать в Ленинград.

– Зачем?

– Приедешь – узнаешь.

Он встретил меня и прямо с вокзала повез в сберкассах. Снял с книжки деньги и протянул мне толстую пачку:

– Потиражные за сценарий. Здесь твоя доля – две тысячи триста сорок. Пятьдесят процентов.

Я в той или иной степени работал над всеми сценариями к моим фильмам. Но меньше всего – над этим.

– Я сценарий не писал и денег не возьму, – сказал я и вышел из сберкассы. Конецкий – за мной:

– Но ты много придумал.

– Это неважно. Я не написал ни строчки.

Тогда он положил деньги на перила мостика (мы шли по мостику через Мойку), сказал:

– Мне чужие деньги не нужны, – и пошел.

И я сказал:

– И мне не нужны.

И тоже пошел. А деньги лежали на перилах. Две тысячи триста пятьдесят. Машину можно купить, «Победу».

Фанаберии у нас хватило шагов на семь. Подул ветерок, мы развернулись и, как по команде, рванули назад.

Деньги эти мне оченьгодились, потому что следующий фильм я начал снимать только через год, а между фильмами режиссерам зарплату не платят.

В тот день, когда я приехал в Ленинград, Конецкий устроил банкет по случаю получения им письма от президента Франции Шарля Де Голля. Книга Конецкого уже была переведена на многие языки, он был выдвинут на Гонкуровскую премию, и сам генерал Де Голль, президент Франции, прислал автору письмо, в котором благодарил и хвалил его (Конецкий до этого послал Де Голлю свою книжку на французском).

Конецкий всегда боролся за справедливость, и из-за этого у него часто случались неприятности. А выпив, он начинал особо активно бороться за справедливость. В тот день после банкета мы оказались в милиции. Я взял у Конецкого письмо от Де Голля, положил на стойку перед дежурным:

– Вот! – и объяснил, что это письмо от президента Франции (показал пальцем на герб и президентскую печать) писателю Конецкому, гордости нашей литературы (показал на Конецкого).

– А документы у нашей гордости есть? – спросил дежурный.

Конецкий предъявил членский билет Союза писателей.

Дежурный посмотрел на удостоверение, на худого мужичка в пиджаке с оторванным лацканом и с фингалом под глазом, на грузина с разбитым носом, вздохнул и сказал устало:

– Ладно, свободны, писатели.

Слово «писатели» он выговорил как нечто неприличное...

После перестройки Конецкого перестали издавать, и они с женой жили на одну пенсию. Я получал деньги за фильмы и хотел ему помочь. Но он категорически отказывался.

– В займы, – уговаривал я.

– Если действительно будет очень надо, я сам тебе скажу. На то мы и друзья.

Но помогли ему моряки. Еще при жизни издали полное собрание его сочинений, а когда Виктор скончался, помогли его жене и верному помощнику Татьяне похоронить его.

Хоронили капитана дальнего плавания, выпускника военно-морского училища, писателя Виктора Викторовича Конецкого по высшему разряду, со всеми положенными почестями, отпевали в Петропавловском соборе и был воинский салют. Проводить Виктора Конецкого пришли десятки тысяч людей: его в Ленинграде очень любили и очень им гордились.

Младший лейтенант

Действие фильма «Путь к причалу» происходит в Арктике: спасательный буксир тащит старый корабль «Полоцк» в Мурманск на переплавку. Шторм. Спасатель получает сигнал бедствия: тонет лесовоз. Для того чтобы успеть оказать помощь, нужно освободиться от «Полоцка». На «Полоцке» четыре человека: боцман Россобаха и три матроса, они сами должны принять решение. Если обрубят трос – могут погибнуть. Решают рубить, «Полоцк» налетает на скалы, спасаются все, кроме боцмана.

Чтобы изучить материал, мы попросили Первое объединение командировать нас в Арктику. Нас – это Конечного, меня и Таланкина. Таланкин хотел снять фильм по рассказу Конечного «Когда позовет товарищ» (тоже Арктика), но договорились, что сначала Конечный будет работать со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.